

Российское академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА: УРОКИ КРИЗИСОВ И ВЕКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА:
между кризисом и модернизацией

Коллектив авторов

**Социальная поддержка: уроки
кризисов и векторы модернизации**

«РАНХиГС»

2010

УДК 364.048.4
ББК 65.261.55

Коллектив авторов

Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации /
Коллектив авторов — «РАНХиГС», 2010 — (Экономическая политика:
между кризисом и модернизацией)

Книга посвящена исследованию уровня благосостояния населения современной России и системы социальной поддержки его отдельных уязвимых групп. Подробно анализируются траектории изменения реальных доходов населения на разных этапах экономического развития – в период глубокого затяжного кризиса 1990-х, устойчивого этапа экономического роста 2000-х гг. и в ходе экономического кризиса 2008–2009 гг. В общем контексте особое внимание уделяется анализу масштаба и динамики бедности российского населения. Адресована широкому кругу читателей, включая представителей исполнительной и законодательной власти федерального и регионального уровней, бизнесменов, исследователей различного профиля – экономистов, социологов, демографов и пр.

УДК 364.048.4
ББК 65.261.55

© Коллектив авторов, 2010
© РАНХиГС, 2010

Содержание

Введение	6
Глава 1. Особенности формирования и использования доходов населения России на разных этапах экономического цикла	10
1.1. Основные тенденции в изменении доходов и расходов населения за постсоветский период	10
1.1.1. Макроэкономическая динамика уровня, структуры и дифференциации доходов	10
1.1.2. Параметры пенсионного обеспечения в контексте влияния на доходы населения	17
1.1.3. Региональные различия в доходах	24
1.1.4. Структура использования денежных доходов	30
1.1.5. Субъективные оценки изменения уровня жизни и потребительских настроений	34
1.2. Неравенство в распределении доходов населения: факторы развития и стагнации	37
1.2.1. Макроэкономический мониторинг дифференциации доходов населения: возможности и ограничения	37
1.2.2. Государственная политика регулирования доходов и ее влияние на дифференциацию	47
1.2.3. Статическая и динамическая декомпозиция неравенства на микроуровне: хорошие и плохие неравенства	49
1.3. Влияние текущего экономического кризиса на доходы населения	59
1.3.1. Эффекты влияния предыдущих кризисов на динамику доходов	59
1.3.2. Доходы населения	60
1.3.3. Оплата труда	62
1.3.4. Пенсии	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2010

Введение

Поиск наиболее эффективных вариантов развития страны еще на докризисном этапе привел большинство политиков и экспертов к осознанию необходимости модернизации, охватывающей всю систему экономических, социальных, политических и иных отношений¹. Экономический кризис 2008–2010 гг. еще более обострил этот вопрос: не является ли кризис стимулом к поиску решений, которые в предшествующие благоприятные периоды были либо не видны, либо не нужны? Очевидно, что несмотря на то что кризис был спровоцирован внешними по отношению к российской экономике факторами, он в полной мере обнажил все деформации и диспропорции в российской экономике и в обществе. И желаемое завершение мирового кризиса отнюдь не будет означать решение внутренних российских экономических и социальных проблем. Более того, их нерешенность может стать барьером для эффективного выхода страны на посткризисную траекторию развития.

Суть модернизации сводится к формированию сильной в экономическом, политическом, научном, военном и иных отношениях страны при *росте благосостояния ее населения*. Одна из основных черт современного общества состоит в том, что на первый план выходят проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, повышения производительности труда. В мире сложилось понимание того, что главное конкурентное преимущество современной высокоразвитой страны связано с качеством человеческого капитала и факторами, которые непосредственно обеспечивают жизнедеятельность людей.

Россия – не единственная страна, которая столкнулась с проблемами коренного реформирования секторов, связанных с развитием человеческого потенциала. Этот кризис вообще не является посткоммунистической проблемой, а имеет глобальный характер. Все развитые страны мира сегодня стоят перед необходимостью существенной перестройки своих социальных систем, сформировавшихся в период, когда преобладало молодое население, продолжительность жизни была относительно невелика, а преобладавшее по численности сельское население почти не пользовалось услугами социального сектора. Сегодня ситуация коренным образом изменилась, и даже самые развитые страны с трудом справляются с резко возросшей социальной нагрузкой.

В современной России социальные проблемы отличаются особой остротой. Причины тому – неравномерное развитие различных сфер жизни и дисбаланс в системе социальных, политических, культурных и других факторов развития. Эти причины – важная особенность всех прежних попыток модернизировать Россию². В результате страна с рыночной экономикой в процессе постиндустриального перехода живет с незавершенной демографической модернизацией³ и имеет модель социальной политики, сложившуюся в условиях индустриального социалистического общества⁴.

В современном мире социальное развитие идет по пути перераспределения функций по обеспечению уровня и качества жизни населения между обществом, рынками и

¹ См.: *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОСПЭН, 2006; Коалиции для будущего. Стратегии развития России / СИГМА. М.: РИО-центр, 2007; Россия в 2008–2016 годах. Сценарии экономического развития / РИО-центр. М.: Научная книга, 2007; Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сб. статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009; Россия XXI века: образ желаемого завтра / ИНСОП. М.: Экон-Информ, 2010.

² *Мау В. А.* Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы // Газета. Ру. – Комментарий. 5.07.05. http://www.gazeta.ru/comments/2005/07/04_a_309315.shtml

³ *Вишневский А. Г.* Незавершенная модернизация в России // SPERO. № 10. 2009. Весна-лето. С. 55–82.

⁴ *Малева Т. М., Овчарова Л. Н.* Социальный контекст модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сб. статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2009. С. 5–97.

семьей⁵. Применительно к рыночной экономике и демократической политической системе с широким списком участников социального процесса эту триаду можно уточнить как перераспределение полномочий между государством и его социальными институтами, обществом в лице институтов гражданского общества и некоммерческих организаций, рынками, семьями, индивидами и социальными сетями. Вектор этого перераспределения – передача ряда функций и полномочий от семьи к рынкам и институтам. В свою очередь рынки предъявляют все более высокие требования к профессиональным и квалификационным качествам трудоспособного населения, ориентируясь на рост его экономической активности.

Вызовы современного мира особенно актуальны в отношении институтов социальной поддержки населения. Зрелость и эффективность любой социальной системы определяются отношением общества к слабым и незащищенным гражданам, которые существуют всегда и везде – вне зависимости от уровня социально-экономического развития. Однако сегодня эффективные социальные системы выполняют не только традиционную функцию защиты или прямой поддержки людей с ограниченными конкурентоспособными возможностями, но и функцию активизации их экономического и социального потенциала с соответствующими контрольными механизмами. Речь идет о поиске механизма функционирования общества не только *свободных*, но и *ответственных* людей; все социальные институты должны выстраиваться в соответствии с этим императивом.

По какой траектории развивались процессы в социальной сфере России и в какой мере они соответствовали общемировым тенденциям⁶?

На первом этапе постреформенного периода (первая половина 1990-х гг.) социальная политика имела дело с последствиями экономических преобразований и трансформировала институты социальной сферы как реакцию на экономические реформы. Переход к рыночным отношениям потребовал формирования новых институтов поддержки для новых групп риска, например, безработных. Несмотря на введение страховых принципов формирования финансовых ресурсов, направляемых на обеспечение социальных гарантий (пенсионное и социальное обеспечение граждан, оплата их лечения, выплата пособий по безработице и пр.), главной чертой этого периода стало усиление патернализма и популизма, выразившееся в принятии законов, дававших право на различные социальные выплаты и льготы. Реальным итогом этой политики стала невозможность государства в полном объеме выполнять данные населению социальные обязательства. Государство не смогло дать своим гражданам финансовых ресурсов и институтов, помогающих противостоять последствиям длительного структурного кризиса, не создало стимулов к активизации собственного экономического потенциала населения.

С середины 1990-х (1996–2005 гг.) начался второй этап в формировании социальной политики. Был реализован целый ряд реформ, соответствующих принципам рыночной экономики. Наиболее масштабными в сфере социальной поддержки можно считать пенсионную реформу и формирование системы адресных пособий для бедных. Произошло перемещение широкого круга полномочий системы социальной защиты с федерального уровня на региональный. Тем не менее и в этот период успехи были весьма скромными: пенсионная реформа не привела к радикальному изменению уровня благосостояния пенсионеров, а система социальной защиты не стала адресной. В совокупности данные программы охватывали треть домохозяйств, что почти в 2 раза превышает реальный уровень бедности. Большая часть ресурсов направлялась небедным, а реально бедные либо получали от государства крайне слабую поддержку, либо вообще оказывались вне ее действия.

⁵ Esping-Andersen G. (ed.). Why We Need a New Welfare State? N.Y.: Oxford University Press, 2002. Ch. 1 «Towards the Good Society, Once Again»; Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

⁶ См.: Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10.

На третьем этапе (2005–2009 гг.) произошло стремительное перемещение социальных проблем с политической периферии в эпицентр социально-экономических программ и политики. Самым значимым событием стала реформа, получившая название «монетизация льгот». Независимо от оценок ее результатов нельзя не признать, что монетизация льгот является крупномасштабным модернизационным проектом. В его основе лежала попытка сокращения ареала распространения льгот и приведения социальных обязательств государства в соответствие с ресурсным обеспечением.

В 2005–2007 гг. социальные программы не покидали первых мест в политической повестке государства – произошла реализация четырех приоритетных национальных проектов – «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье», «Развитие сельского хозяйства», осуществлялась масштабная демографическая программа. Это была тактика «прорыва». Национальные социальные проекты и программы определили логичную цепь событий в связи с ростом ресурсов, которые дала стране положительная макроэкономическая динамика, и в самом этом факте нет ничего иррационального.

Однако можно ли эти социальные программы рассматривать как модернизационные действия? Риторика, их сопровождавшая, была именно такой. Между тем, как показывает опыт прошлых лет⁷, они имели ярко выраженный затратный характер при их очевидной сверхзадаче – за счет увеличения государственного финансирования ослабить напряженность наиболее значимых проблем и продемонстрировать населению заботу о состоянии социальной сферы⁸. Модернизация самих институтов как процесс перехода к новым, современным принципам функционирования не являлась целью социальных программ второй половины 2000-х гг. Большинство социальных инициатив, в том числе в системе социальной защиты населения, по своему замыслу были направлены на догоняющее развитие, но по содержанию и результатам достигалась иная, гораздо более простая цель: на этапе экономического роста и расширения бюджетных возможностей государство пыталось отдать своеобразный долг социальной сфере, которая долгое время находилась вне поля политического внимания и выполняла роль «подушки безопасности» для болезненных экономических реформ. Институциональная модернизация социальной сферы по существу вновь осталась за кадром.

Именно в этом заключаются уроки российских кризисов с точки зрения социального развития. Тема модернизации отнюдь не исчерпывается вновь и вновь звучащими обещаниями государства не допустить острых негативных социальных последствий экономического кризиса. Было бы ошибкой принимать за модернизацию увеличение объемов государственного финансирования того или иного социального сектора, к чему на практике сводятся все прежние и нынешние попытки модернизировать социальную сферу. Речь должна идти об ином – о формировании сбалансированного механизма взаимной ответственности и обязательств между всеми участниками социального процесса.

Человечество не сконструировало идеальную социальную модель. Более того, экономический кризис поставил под сомнение даже те общественные системы, в которых, как казалось, достигнут относительный социальный баланс. Образца, достойного полного подражания, нет и, видимо, не будет. Идеальная социальная модель – это не конечное состояние, а движущийся и постоянно меняющийся фронт. (Этим, кстати, объясняется, почему в названии книги мы отказываемся от амбиций изложения готовых рецептов социальной модернизации, а лишь обозначаем вектор этого движения.) Поэтому крайне трудно обозначить «пункт прибытия», если ставить перед собой цель разработки «дорожной карты» на

⁷ Гонтмахер Е. Ш. Национальные проекты: первые итоги реализации // SPERO. 2008. № 8. Весна-лето.

⁸ Разумеется, неслучайно старт перечисленных социальных программ пришелся на предвыборный период большого электорального цикла, охватывающего выборы в Государственную Думу в конце 2007 г. и президентские выборы в начале 2008 г.

пути к социальной модернизации. Однако необходимо хорошо представлять «пункт отправления».

Настоящая публикация посвящена исследованию уровня благосостояния населения современной России и системы социальной поддержки его отдельных уязвимых групп. Такой выбор неслучаен – для России эта тема относится к числу наиболее болезненных. Причина тому – относительно низкий уровень и качество жизни большинства россиян, что является не только главной проблемой на сегодня, но и барьером для будущего развития. По какой траектории изменялись реальные доходы населения на разных этапах экономического развития – в период глубокого затяжного кризиса 1990-х гг., устойчивого этапа экономического роста 2000-х и, наконец, в ходе экономического кризиса 2008–2009 гг.? Каков масштаб бедности российского населения? Какие группы и по какой причине обладают повышенными рисками бедности? На кого «настроена» система социальной защиты и достигает ли она своих адресатов? Способствует ли она сокращению бедности и росту экономической активности населения? Каково влияние текущего экономического кризиса на положение различных социальных групп? Кто находится в эпицентре риска, а у кого есть потенциал для противодействия его угрозам и реалиям? Как может и должно реагировать Российское государство на негативные социальные последствия нынешнего экономического кризиса?

Большинство экспертов надеются, что текущий экономический кризис изменит ход событий и положит начало новому модернизационному этапу, в том числе в социальной сфере. Сегодня развилка в области социальной поддержки населения достаточно ясна – сконцентрироваться на действиях сугубо антикризисного характера (политика в отношении безработных, поддержка доходов различных социальных групп, социальная защита малообеспеченных и пр.) или же признать, что кризис – время для принятия стратегических решений и реализации тех институциональных реформ, которые либо крайне затруднены, либо невозможны на этапе эволюции. Разумеется, нельзя допустить, чтобы одна проблема заслонила собой другую; в реальной политике придется искать баланс и совмещать решение обеих задач. Но именно сейчас России необходимо сделать выбор, который поможет сократить на посткризисном этапе разрыв между российской экономикой и экономикой стран-лидеров. Авторы выражают надежду, что настоящая публикация будет способствовать такому выбору.

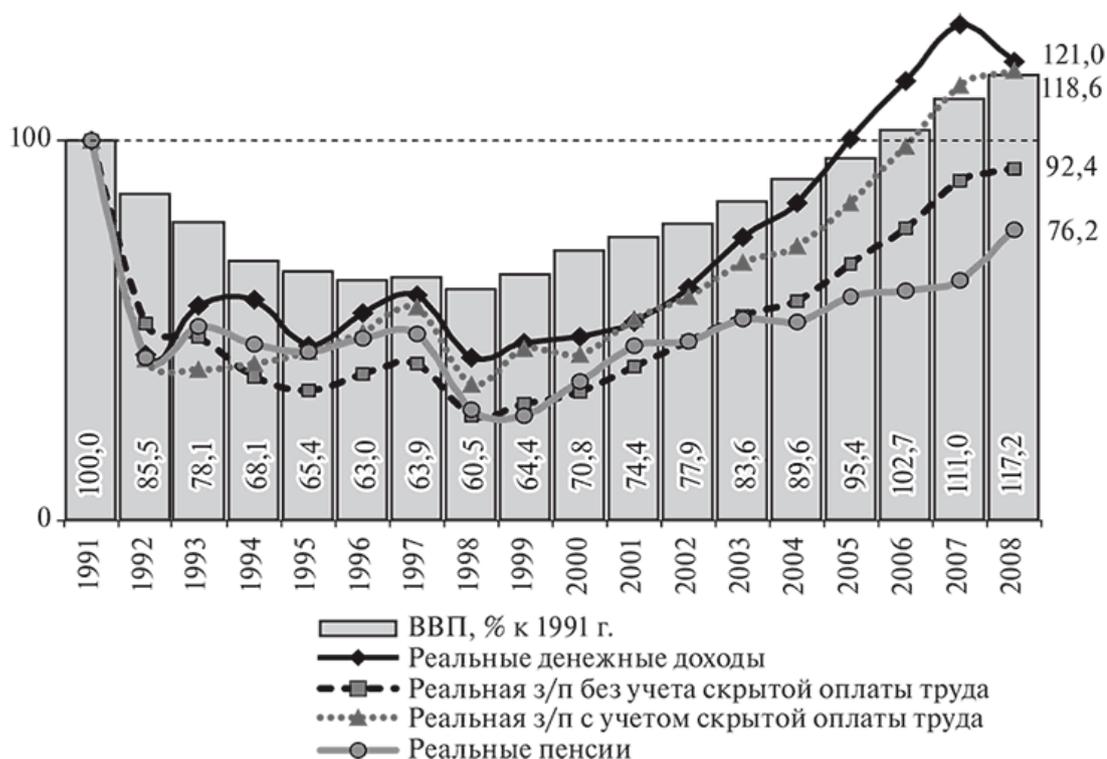
Глава 1. Особенности формирования и использования доходов населения России на разных этапах экономического цикла

1.1. Основные тенденции в изменении доходов и расходов населения за постсоветский период

1.1.1. Макроэкономическая динамика уровня, структуры и дифференциации доходов

Уровень, дифференциация и структура текущих душевых доходов традиционно считаются главными индикаторами благосостояния, оперативно реагирующими на любые значимые изменения в экономике и социальной политике. В периоды масштабных реформ и на этапах перехода к новым фазам экономического цикла они характеризуются высокой волатильностью. Экономические и институциональные кризисы, как правило, сопровождаются падением реальных доходов, максимальный уровень которого за историю современной России наблюдался в результате либерализации цен в 1992 г., и ростом в период экономического подъема (рис. 1.1). Природа этих колебаний объясняется ситуацией на рынке труда, изменениями в системе социальной защиты населения, уровнем иждивенческой нагрузки на семью и государственные социальные институты, преобладающими моделями межсемейных трансфертов. О том, как развиваются и гармонизируются данные процессы, можно судить по динамике структуры доходов.

В последние годы советского периода структура доходов населения в основном соответствовала стандартам стран, прошедших этап модернизационного индустриального развития, где доходы наемных работников являются главным источником (80 %) денежных поступлений семей. Принципиальное отличие заключалось в отсутствии предпринимательских доходов и доходов от собственности, доля которых в общем объеме текущих денежных поступлений уже в первые годы становления российской рыночной экономики поднялась до 20 % и продолжает сохраняться на этом уровне в настоящее время (табл. 1.1). Доступ населения к данным источникам доходов стал главным позитивным эффектом рыночных преобразований и обеспечил, несмотря на двукратное падение реальных доходов, лояльность граждан к проводимым реформам.

Источник: авторские расчеты на основе данных Росстата: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009. Стат. сб. / М.: Росстат, 2009; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. сб. / М.: Росстат, 2005; Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. / М.: Госкомстат России, 1999; Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. / М.: Госкомстат России, 1997.

Рис. 1.1. Динамика денежных доходов, заработной платы и пенсий
1991 г. = 100 %, декабрьские данные

Предпринимательская активность достигала своего максимума в начале рыночных реформ, когда доходы от этого вида деятельности стали составлять 16 % всех доходов населения. На этапе экономического роста наметилась тенденция сокращения их удельного веса, развивающаяся на фоне повышения значимости доходов от собственности, в свою очередь сильно обесценившихся текущим кризисом. Именно эти источники доходов способствовали тому, что в первые годы экономического подъема темпы роста доходов опережали рост заработной платы. К 1999 г. новые рыночные виды доходов (предпринимательский доход и доходы от собственности) составляли пятую часть общего объема доходов, однако с 2007 г. наметилась тенденция снижения их значимости как результат реакции на усиление прямого вмешательства государства в оперативное управление экономикой.

Таблица 1.1
Динамика структуры денежных доходов населения Российской Федерации, %

	1990	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Денежные доходы, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Оплата труда	76,4	66,5	62,8	64,6	65,8	63,9	65,0	63,6	65,0	67,5	68,6
Социальные трансферты	14,7	13,1	13,8	15,2	15,2	14,1	12,8	12,7	12,0	11,6	12,8
Доходы от собственности	2,5	7,1	6,8	5,7	5,2	7,8	8,3	10,3	10,0	8,9	6,6
Доходы от предпринимательской деятельности	3,7	12,4	15,4	12,6	11,9	12,0	11,7	11,4	11,1	10,0	10,0
Другие доходы	2,7	0,9	1,2	1,9	1,9	2,2	2,2	2,0	1,9	2,0	2,0

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. сб. / М.: Росстат, 2005. С. 124; Россия в цифрах. 2009. Крат. Стат. сб. / М.: Росстат, 2009. С. 118.

Насколько широка вовлеченность российского населения в «рыночные» виды доходов? Получателями предпринимательского дохода являются:

1) индивидуальные предприниматели, численность которых в 2008 г. составила 3 434,2 тыс.;

2) нотариусы и адвокаты, численность которых, по данным Минюста РФ, оценивается на уровне 64 тыс.;

3) крестьянские и фермерские хозяйства (253,1 тыс. на 1 июля 2006 г.);

4) личные подсобные и индивидуальные хозяйства граждан (22 799,4 тыс. на 1 июля 2006 г.).

Формально в предпринимательскую деятельность вовлечено около 45 % всех российских домохозяйств, однако основным каналом включения в предпринимательскую активность является личное подсобное хозяйство, с которым связана деятельность 40 % российских семей. Согласно данным панельного выборочного обследования домохозяйств «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)⁹, проведенного Независимым институтом социальной политики в 2004 и 2007 гг. с выборкой 11 117 респондентов, только 10,7 % домохозяйств указывают на то, что имеют доход от личного подсобного хозяйства, и в большинстве случаев его размер в душевом исчислении за месяц не превышает 50 % величины прожиточного минимума. В публикациях, посвященных проблемам социальной стратификации¹⁰, индивидуальные предприниматели и владельцы фермерских хозяйств, нотариусы и адвокаты рассматриваются как группы с высокими доходами. Этот факт подтверждается и данными РиДМиЖ: действительно, большинство домохозяйств, связанных с рынком труда через предпринимательскую деятельность, попадают в число средне- и высокообеспеченных слоев населения, но они составляют не более 5 % всех российских семей.

В схемы получения доходов от собственности, составляющих 5—10 % в общем объеме доходов населения, также включен весьма ограниченный круг людей. Согласно оценкам РиДМиЖ, лишь 2 % всех домохозяйств располагает этим источником денежных поступлений. Следовательно, даже по максимальной оценке только 7 % населения – носители новых стратегий формирования доходов, основанных на альтернативных (по сравнению с советским периодом) источниках денежных поступлений. Численность данной группы остава-

⁹ См.: Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. НИСП, 2007. Подробная информация об обследовании: http://www.socpol.ru/gender/2_w.shtml

¹⁰ Шкаратан О. И., Ильин В. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2006.

лась до 2008 г. неизменной ввиду отсутствия значимых институциональных или экономических перемен.

Происходившие позитивные изменения в динамике доходов населения в период устойчивого экономического роста (2000–2007 гг.) сопровождались трансформацией их структуры по источникам поступления. Более высокие темпы роста средней заработной платы способствовали увеличению ее доли в структуре доходов: с 62,8 % в 2000 г. до 68,6 % в 2008 г. Вместе с тем доля заработной платы продолжает оставаться ниже постсоветского уровня. В значительной степени это связано с замещением данного вида денежных поступлений населения новой формой трудовых доходов – доходами от предпринимательской деятельности. В совокупности трудовые доходы в 2008 г. составили 78,6 % всех денежных доходов, что соответствует уровню последних лет советского периода. Следовательно, заработная плата наемных работников была и остается главным источником средств к существованию. В настоящее время примерно 65 % домохозяйств имеют в своем составе работающих, 30 % семей связаны с рынком труда через трудовые доходы единственного работника, 26 % – двух, 6 % – трех и более работников¹¹. При этом средние заработки в домохозяйствах, где работает один человек, на 10 % выше, чем в семьях с двумя и более работающими.

Особенностью российского рынка труда является повышенная гибкость заработной платы при устойчивом уровне занятости¹², что с начала 1990-х гг. способствовало развитию нестандартных форм оплаты труда, выводящих ее за пределы статистического наблюдения. Проводимые начиная с 1999 г. Госкомстатом РФ исследования по количественному измерению скрытой заработной платы позволили получить оценки масштабов данного явления, которые представлены в табл. 1.2.

Таблица 1.2

Скрытая и наблюдаемая часть заработной платы, % объема доходов населения

	Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1.	Доходы населения	100	100	100	100	100	100	100	100	100
2.	Наблюдаемый фонд оплаты труда	35,3	38,1	38,7	41,0	39,5	40,5	40,0	39,5	41,4
3.	Скрытый от наблюдения фонд оплаты труда	31,2	24,7	25,9	24,8	24,4	24,4	24,8	25,5	26,1
4.	Совокупный фонд оплаты труда (стр. 2 + стр. 4)	66,5	62,8	64,6	65,8	63,9	64,9	64,8	65,0	67,5

Источник: Рассчитано по данным статистических сборников «Социальное положение и уровень жизни населения», 2000–2008.

Согласно этим данным, около 40 % фонда оплаты труда скрыто от статистического наблюдения. При этом в процессы получения скрытых от наблюдения доходов в максимальной степени вовлечены 10 % самых бедных и 10 % самых богатых. Неформальные трудовые

¹¹ Авторские расчеты на основе данных выборочного Национального обследования благосостояния и участия населения в социальных программах (НОБУС), реализованного Госкомстатом РФ в 2003 г., выборка 44 тыс. домохозяйств.

¹² Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2006.

доходы, с одной стороны, в большей степени подвержены рискам сокращения в условиях кризиса, а с другой – они быстрее восстанавливаются и растут в кризисных ситуациях.

Таблица 1.3

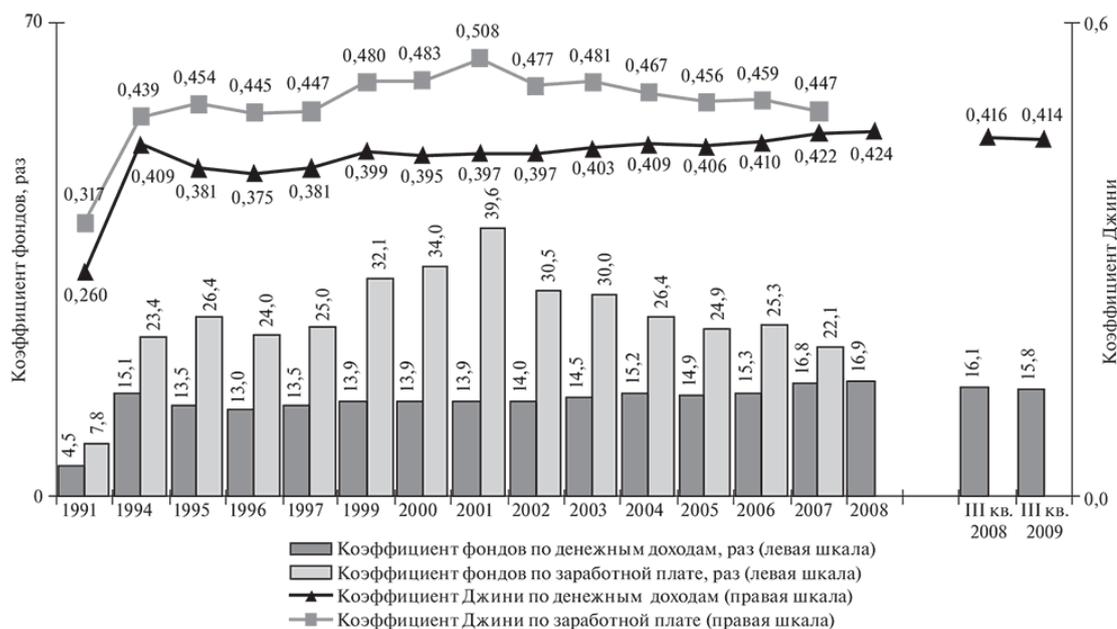
Распределение денежных доходов по 20 %-ным (квintильным) группам населения, % общего объема доходов

Год	20%-ные группы				
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)
1991	11,9	15,8	18,8	22,8	30,7
1992	6,0	11,6	17,6	26,5	38,3
1993	5,8	11,1	16,7	24,8	41,6
1994	5,3	10,2	15,2	23,0	46,3
1995	5,5	10,2	15,0	22,4	46,9
1996	6,2	10,7	15,1	21,6	46,4
1997	5,9	10,2	14,8	21,6	47,5
1998	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6
1999	6,1	10,4	14,7	20,9	47,9
2000	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6
2001	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7
2002	5,7	10,4	15,4	22,7	45,8
2003	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2
2004	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2006	5,2	9,9	15,0	22,6	47,3
2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2008	5,1	9,7	14,8	22,5	47,9

Источник: Данные Росстата.

За средними показателями доходов скрывается их высокая дифференциация (рис. 1.2, табл. 1.3). Рассмотрим три измерителя неравенства:

- 1) децильные коэффициенты дифференциации, которые чувствительны к изменению неравенства на краях распределения;
- 2) коэффициенты концентрации доходов Джини, реагирующие на неравенство в середине и на «хвостах» распределения;
- 3) распределение объема доходов по 20 %-ным доходным группам.

Источники: Доклады «Социально-экономическое положение России», сборники «Социальное положение и уровень жизни населения России» (2008. С. 130; 2007. С. 136; 2000. С. 130).

Рис. 1.2. Показатели дифференциации доходов и заработной платы

В период структурного кризиса (1992–1999 гг.) произошел трехкратный рост неравенства на фоне двукратного падения реальных доходов. На этапе экономического подъема наблюдалась плавная тенденция роста коэффициента Джини и фондового коэффициента дифференциации, что свидетельствует о нарастании разрыва в объемах доходов, приходящихся на 20 % самых обеспеченных, с одной стороны, и 20 % самых бедных граждан – с другой.

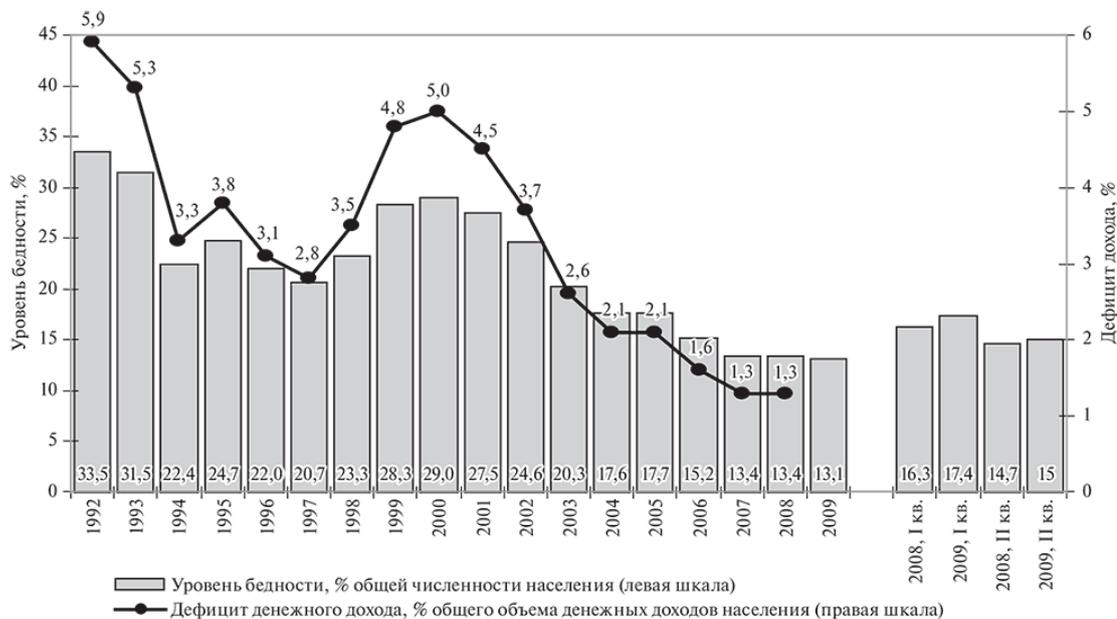
Будет уместно отметить, что кризис 2008–2009 гг. снизил дифференциацию денежных доходов. Официальные данные Росстата свидетельствуют о том, что коэффициент дифференциации фондов в III кв. 2009 г. составил 15,8, тогда как в 2008 г. за аналогичный период был равен 16,1. Коэффициент Джини также говорит о сокращении дифференциации с 0,416 до 0,414. Происходящее связано с тем, что доходы высокообеспеченных в большей степени попали под негативное влияние кризиса, а двукратный рост минимальной оплаты труда и повышение пенсий, наоборот, поддержали доходы бедных слоев населения.

В основе дифференциации по доходам лежит неравенство в оплате труда – основном источнике денежных доходов населения. В настоящее время, неравенство по зарплате, измеренное коэффициентом фондов, превышает дифференциацию денежных доходов в 1,7 раза (рис. 1.2). В период с 1991 по 2001 г. коэффициент фондов по зарплате увеличился с 7,8 до 39,6, а затем резко снизился в 2002 г. до 30,5, положив начало процессу сокращения неравенства в оплате труда. Подчеркнем, что тенденция сокращения такого неравенства складывалась на фоне роста дифференциации доходов, поляризации которых способствуют доходы от собственности и предпринимательской деятельности. Однако механизмы формирования данных видов денежных поступлений населения, составляющих примерно 20 % общего объема доходов, не менялись в период экономического роста так существенно, чтобы создать эффект разнонаправленных векторов динамики дифференциации доходов и заработной платы. Скорее всего, рост неравенства доходов обеспечивает и скрытая от наблюдения заработная плата, которая составляет четверть всех доходов населения. Имеющиеся данные о дифференциации наблюдаемой части заработной платы указывают на то, что самое боль-

шое воздействие на размах дифференциации зарплаты оказали серьезные перераспределительные процессы внутри отраслей и между ними. Межотраслевая дифференциация заработной платы обусловлена как различиями в экономическом положении отраслевых групп, имеющих разную экономическую значимость, так и конкурентоспособностью производимой продукции.

Динамика доходов и их неравенства предопределяла изменения в масштабе бедности (рис. 1.3), измеряемого в России долей населения с доходами ниже прожиточного минимума, устанавливаемого на уровне стоимости минимальной потребительской корзины, рассчитанной нормативным методом. В отличие от европейских стран, где линия бедности устанавливается на уровне 40–60 % медианного дохода, Россия использует абсолютную концепцию бедности, чтобы установить минимально возможный уровень жизни, ориентирующийся не на преобладающий в обществе стандарт потребления, а на физиологический минимум. Абсолютная линия бедности максимально чувствительна к изменению темпов экономического роста, в то время как относительная бедность изменяется прямо пропорционально росту или снижению дифференциации душевых доходов.

В целом за период рыночных преобразований уровень бедности, как и доходы, был подвержен значительным колебаниям, а в 1992 г., после либерализации цен, в число бедных попала треть российского населения, дефицит дохода тогда составил 6 % общего объема денежных доходов населения. С 2001 г. наблюдается устойчивая тенденция к снижению доли бедного населения, за период 2000–2007 гг. она сократилась в 2 раза. Текущий кризис привел к росту бедности на 1 % в I кв. 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом 2008 г., что соответствует увеличению числа бедных на 1,5 млн чел. По итогам сравнения за шесть месяцев 2008 и 2009 гг., в рамках которого сохраняется эффект сопоставления докризисных и послекризисных показателей, эффект роста бедности становится менее очевидным: с 14,7 до 15 %. Годовые данные позволяют сделать вывод о том, что 2009 г. стал годом *минимального уровня бедности за всю историю постсоветского развития*. В какой-то степени ситуация выглядит парадоксальной: в год кризисного состояния экономики мы наблюдаем уровень бедности ниже, чем на пике экономического роста. При этом ВВП в 2009 г. составил 97,3 % уровня 2007 г. Объяснения следует искать в развитии пенсионного обеспечения и росте минимальной заработной платы: в начале 2009 г. минимальная заработная плата возросла в 2 раза, а средняя реальная пенсия – в 1,77 раза. То, что бедность достигла минимума на фазе падения ВВП, создает существенные риски для последующего развития. Ситуация усугубляется еще и тем, что доходы растут за счет социальных, а не рыночных, источников денежных средств. В целом вектор социально-экономической динамики формирует серьезные риски для развития в ближайшей перспективе.

Источники: Россия в цифрах. 2004. Крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2004. С. 99—100; Россия в цифрах. 2005. Крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2005. С. 100; Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 144.

Рис. 1.3. Уровень бедности в России

1.1.2. Параметры пенсионного обеспечения в контексте влияния на доходы населения

Россия относится к числу стран с интенсивно стареющей структурой населения и всеобщим охватом пенсионным обеспечением лиц старших возрастов. В соответствии с законодательством общеустановленный возраст выхода на пенсию по старости на общих основаниях составляет 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Также существует широкий перечень официальных оснований для более раннего выхода на пенсию по старости в связи с работой в тяжелых климатических условиях (Крайний Север), вредных и тяжелых производственных условиях, а также по ряду других социально значимых оснований (например, многодетные матери, матери инвалидов с детства). Помимо достижения определенного возраста (пенсии по старости) пенсии в России назначаются в связи с назначением инвалидности (пенсии по инвалидности, социальные пенсии детям-инвалидам и инвалидам с детства) или смертью кормильца (пенсии по потере кормильца). Для тех, кто не имеет права ни на один из перечисленных видов пенсий, назначается социальная пенсия (по старости).

В результате численность пенсионеров превышает численность лиц пенсионных возрастов. Так, по состоянию на 1 января 2009 г. в России насчитывалось 30,1 млн чел. пенсионного возраста и 38,6 млн пенсионеров, из которых 30,4 млн были пенсионерами по старости. Соответственно в общей численности населения доля лиц пенсионных возрастов составляла 21,2 %, доля пенсионеров по старости – 21,4 %, а доля всех пенсионеров – 27,2 %.

Таблица 1.4

Численность лиц пенсионного возраста и пенсионеров и их удельный вес в численности населения, 1990–2008 гг., на конец года

Год	Численность (тыс. чел.)				Доля (%)		
	постоянного населения	лиц пенсионного возраста	пенсииеров	пенсииеров по старости	лиц пенсионного возраста в населении	пенсииеров в населении	пенсииеров по старости в населении
1990	148 274	*	32 848	25 659	*	22,2	17,3
1991	148 515	*	34 044	27 131	*	22,9	18,3
1992	148 562	*	35 273	28 390	*	23,7	19,1
1993	148 356	*	36 100	29 021	*	24,3	19,6
1994	148 460	*	36 623	29 095	*	24,7	19,6
1995	148 292	*	37 083	29 011	*	25,0	19,6
1996	148 029	*	37 827	29 081	*	25,6	19,6
1997	147 802	*	38 184	28 993	*	25,8	19,6
1998	147 539	*	38 410	29 023	*	26,0	19,7
1999	146 890	*	38 381	28 932	*	26,1	19,7
2000	146 304	*	38 411	28 813	*	26,3	19,7
2001	145 649	*	38 630	28 989	*	26,5	19,9
2002	144 964	*	38 432	29 705	*	26,5	20,5
2003	144 168	29 259	38 164	29 272	20,2	26,5	20,3
2004	143 474	29 161	38 184	29 213	20,2	26,6	20,4
2005	142 754	29 109	38 313	29 395	20,3	26,8	20,6
2006	142 221	29 351	38 325	29 577	20,6	26,9	20,8
2007	142 009	29 760	38 467	30 026	20,9	27,1	21,1
2008	141 904	30 097	38 603	30 417	21,2	27,2	21,4

* В связи с пересчетом численности населения в период 1990–2001 гг. по итогам переписи 2002 г. оценки численности лиц пенсионного возраста до переписи 2002 г. не приводятся, поскольку отсутствуют в официальных публикациях уточненных данных.

Источники: Оценки на основе данных Росстата и Пенсионного фонда России (Демографический ежегодник России, 2007. С. 20, 35; Итоги деятельности ПФР за 2008 г. // Вестник ПФР. 2009. № 1. С. 80; Сборники «Социальное положение и уровень жизни населения России». 1996. С. 198; 1998. С. 212; 2002. С. 177; 2004. С. 49; 2005. С. 50; 2006. С. 51; 2008. С. 51, 187).

Наиболее быстрыми темпами численность пенсионеров росла в самом начале 1990-х гг. (табл. 1.4), когда правительство пыталось решать за счет пенсионной системы задачу поддержания уровня жизни российского населения. В 1990–1993 гг. это было связано преимущественно с невероятно быстрым расширением оснований для назначения досрочных пенсий по старости, в 1994–1996 гг. – с увеличением численности пенсионеров по инвалид-

ности и за выслугу лет. Кроме того, вплоть до конца 1990-х гг. росла численность лиц пенсионного возраста и ее удельный вес в населении.

В начале 2000-х гг. пенсионного возраста достигли немногочисленные поколения рожденных в 1940-е гг., что позволило стабилизировать и даже сократить в 2002–2004 гг. численность пенсионеров по старости и всех пенсионеров. Однако с 2005 г. тенденции старения населения усилились. В настоящее время темпы роста численности лиц пенсионного возраста и пенсионеров по старости превышают 1 % в год. Соответственно увеличивается и доля пенсионеров по старости и всех пенсионеров в населении. Причем в ближайшее время скорость нарастания численности пенсионеров за счет старения населения будет только увеличиваться.

Отметим, что по все еще сохраняющейся в России традиции совместного проживания в одном домохозяйстве нескольких поколений удельный вес домохозяйств, в состав которых входят пенсионеры, выше, чем доля пенсионеров в населении. Следовательно, выше и реальная зависимость российских семей от выплат из пенсионной системы. К сожалению, ввиду отсутствия соответствующих показателей в статистике этот вопрос может быть исследован только на данных выборочных обследований. И этот анализ показывает, что примерно в каждом втором российском домохозяйстве имеются пенсионеры (табл. 1.5)¹³, а также подтверждает единый вывод: доля домохозяйств с пенсионерами в общем числе домохозяйств существенно выше, чем доля пенсионеров в численности населения. Соответственно изменения в уровне пенсионного обеспечения оказывают влияние на благосостояние большей доли населения, чем это можно представить, анализируя данные по численности населения.

Таблица 1.5

Состав домохозяйств по наличию в них получателей пенсии, % по столбцу

Тип домохозяйств	НОБУС, 2003	РидМиЖ, 2004	РидМиЖ, 2007	
			вариант 1	вариант 2*
«Чистые» домохозяйства пенсионеров	31,0	21,9	22,9	23,1
Смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров	26,1	26,1	28,3	31,5
Домохозяйства непенсионеров	42,9	52,0	48,8	45,4
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вариант 1 повторяет логику учета пенсионеров в обследовании 2004 г. на основе ответов на вопрос об основном занятии респондентов (18–79 лет) и других взрослых (14 лет и старше) членов домохозяйств. Вариант 2 учитывает также детей-пенсионеров, если респонденты указали, что получают пенсию по потере кормильца или социальную пенсию на детей.

Источник: Расчеты основаны на микроданных указанных обследований.

¹³ Расхождения между оценками, полученными на основе данных обследования НОБУС и обследований РидМиЖ, связаны с тем, что в двух последних обследованиях в домохозяйстве опрашивался только один человек в возрасте 18–79 лет, а информация о других членах домохозяйства собиралась со слов опрашиваемых. Соответственно обследования РидМиЖ недоучитывают пенсионеров из числа детей и пенсионеров самых старших возрастов. По этой же причине в обследованиях РидМиЖ меньше «чистых» домохозяйств пенсионеров, чем в обследовании НОБУС.

Абсолютные и относительные показатели среднего размера пенсий, которые во многом являются критериальными для оценки эффективности системы, представлены в табл. 1.6. Динамика реального размера назначенных пенсий наглядно свидетельствует о двух шоках, которые пережила пенсионная система за прошедшие 20 лет, – резкое падение пенсии в результате либерализации цен 1992 г. и кризис в августе 1998 г. После каждого из этих событий система начинала восстанавливать доходы пенсионеров, однако в полной мере преодолеть их последствия не удалось до сих пор.

Таблица 1.6

Динамика реального размера назначенных пенсий, отношения средней пенсии к прожиточному минимуму пенсионера (ПМП) и к средней начисленной заработной плате (коэффициент замещения), %

Год	Реальный размер назначенных пенсий, % к 1991 г.	Отношение пенсии к ПМП, %	Коэффициент замещения, %
1991	100,0	*	33,8
1992	42,5	119,8	26,7
1993	50,8	138,2	33,9
1994	46,2	128,7	35,6
1995	44,1	101,0	39,8
1996	47,7	116,0	38,2
1997	48,7	113,2	34,5
1998	29,1	114,7	37,9
1999	27,5	70,2	29,5
2000	36,2	76,4	31,2
2001	45,9	89,5	31,6
2002	47,0	100,0	31,6
2003	52,9	102,0	29,8
2004	52,0	106,3	28,4
2005	58,8	97,8	27,6
2006	60,4	99,8	25,6
2007	62,8	101,6	22,9
2008	76,2	115,2	24,3

* Нет данных.

Примечания:

1. Для оценки реального размера назначенных пенсий использовались данные о среднем ежемесячном размере назначенных пенсий в среднем за год и индекс роста потребительских цен (декабрь к декабрю).

2. Отношения средней пенсии к ПМП и к средней начисленной заработной плате (коэффициент замещения) рассчитаны на основе годовых данных о среднем ежемесячном размере назначенных пенсий, среднем ежемесячном размере начисленной заработной платы и величине ПМП.

Источники: Сборники «Социальное положение и уровень жизни населения России»; Российский статистический ежегодник, 1999. С. 141, 168, 547; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. М., 2009. Сентябрь. С. 103.

Анализируя ситуацию во второй половине 1990-х гг., следует иметь в виду, что на реальную ситуацию с выплатами пенсионерам из Пенсионного фонда России (ПФР) оказывал влияние фактор задолженности по выплате пенсий. Задолженность впервые появилась в 1995 г., затем снова в 1996-м, была погашена к июлю 1997 г., вновь возникла в августе 1998-го и была окончательно погашена в сентябре 1999 г. Соответственно в периоды ее накопления доходы пенсионеров за счет пенсионной системы были меньше, а в периоды погашения – больше, о чем можно судить по размеру назначенных пенсий.

Соотношение среднего размера пенсии и прожиточного минимума пенсионера в определенной мере свидетельствует о покупательной способности пенсий. Хотя, безусловно, следует учитывать, что динамика этого показателя зависит не только от динамики пенсий, но также от того, как меняется расчет потребительской корзины и прожиточного минимума. Вплоть до кризиса 1998 г. средний размер пенсии превышал прожиточный минимум пенсионера (табл. 1.6). Глубокое падение пенсий в результате кризиса привело к тому, что в 1999 г. средний размер пенсии снизился до критической черты и составлял всего 70 % ПМП. Улучшение экономической ситуации и последовавшая за этим стабилизация доходов ПФР позволила сравнить средний размер пенсии с ПМП к уровню начала пенсионной реформы 2002 г. Несмотря на то что рост покупательной способности пенсий продолжился и после начала реформы, его темпы замедлились. В результате вплоть до 2007 г. средний размер пенсии варьировался в районе ПМП.

Другим ключевым параметром пенсионной системы выступает коэффициент (или ставка) замещения, рассчитываемый как соотношение среднего размера пенсии и средней начисленной заработной платы в экономике. В СССР и всю первую половину 1990-х гг. это соотношение варьировалось в пределах 30–35 %. Накануне дефолта 1998 г. коэффициент замещения достигал почти 40 %, затем последовало его резкое снижение – почти на 10 п.п., далее легкое повышение, но с 2002 г., т. е. с начала пенсионной реформы, его динамика приобрела устойчиво отрицательный характер. Абсолютный минимум был достигнут к 2007 г., когда средняя пенсия составляла менее 23 % средней заработной платы. Изменение политики индексации пенсий и кризис внесли свои коррективы. В отличие от заработной платы, реальный размер которой сократился под влиянием кризиса, пенсии индексируются темпами, превышающими темпы инфляции. В результате в 2008 г. коэффициент замещения увеличился до 24,3 %, а в августе-сентябре 2009 г. – до примерно 29 % средней заработной платы.

Анализируя динамику коэффициента замещения, следует иметь в виду несколько важных особенностей методики его расчета. Во-первых, средний размер назначенных пенсий рассчитывается для всех без исключения пенсионеров, включая, например, социальных пенсионеров, чья пенсия ниже трудовой по старости и никак не зависит от заработной платы и уплачиваемых с нее налогов, в то время как средний размер начисленной заработной платы определяется по данным только крупных и средних предприятий. Соответственно он не учитывает заработную плату работников на малых предприятиях и у предпринимателей без образования юридического лица, которая, очевидно, ниже заработной платы на крупных и средних предприятиях. Во-вторых, при расчете этого показателя не учитывается то обстоятельство, что пенсии, в отличие от заработной платы, не облагаются подоходным налогом. И соответственно, средний размер пенсии – это то, что реально получают на руки пенсионеры,

тогда как работники получают на руки сумму, меньшую, чем средний размер начисленной заработной платы. Оба этих фактора занижают реальный коэффициент замещения.

Также следует учитывать, что рост реального размера пенсий и негативная динамика коэффициента замещения в период с начала пенсионной реформы были предопределены особенностями индексации пенсий. По закону трудовые пенсии индексируются по уровню инфляции, а страховые части пенсий – по темпам роста заработной платы, с которой уплачивался единый социальный налог (ЕСН), но в пределах роста доходов ПФР на выплату страховой части трудовой пенсии в расчете на одного пенсионера. Регрессивная шкала ЕСН, сокращение предельной ставки налога в 2005 г., отказ от индексации порогов ЕСН по росту заработной платы привели к падению эффективного тарифа ЕСН, поступающего в пенсионную систему. Одновременно за счет увеличения в численности занятых лиц 1967 г. р. и моложе, которые участвуют в формировании обязательных пенсионных накоплений, сокращалась доля ЕСН, направляемая на выплату страховой части пенсии. Эти обстоятельства обусловили отставание индексации пенсий от роста заработной платы.

Таблица 1.7

Динамика среднемесячной и минимальной пенсии (с компенсацией и без – до 2002 г.) / базовой части трудовой пенсии по старости, и соотношения минимальной пенсии со средней и с величиной ПМП

Год	Среднемесячная пенсия, руб. (тыс. руб. — до 1998 г.)	ПМП, декабрь или IV кв., руб. (тыс. руб. — до 1998 г.)	Минимальная пенсия по старости (с компенсацией) / базовая часть трудовой пенсии по старости (с 2002 г.), руб. (тыс. руб. — до 1998 г.)	Минимальная пенсия по старости (без компенсаций) / базовая часть трудовой пенсии по старости (с 2002 г.), руб. (тыс. руб. — до 1998 г.)	Отношение минимальной пенсии по старости (с компенсацией) / базовой части трудовой пенсии по старости (с 2002 г.), %		Отношение минимальной пенсии по старости (без компенсаций) / базовой части трудовой пенсии по старости (с 2002 г.), %	
					к средней пенсии	к ПМП	к средней пенсии	к ПМП
1992	3,5	2,9	2,3		64,69	76,69		
1993	43,1	30,2	26,3	14,6	61,08	87,22	33,88	48,38
1994	120,1	102,5	54,1	34,4	45,08	52,82	28,64	33,56
1995	242,6	230,7	110,5	63,3	45,56	47,89	26,10	27,44
1996	320,1	267,2	219,6	69,6	68,60	82,18	21,74	26,05
1997	366,4	292,6	234,2	84,2	63,93	80,04	22,98	28,78
1998	402,9	505,3	234,2	84,2	58,13	46,35	20,90	16,66
1999	521,5	670,2	290,3	108,4	55,67	43,32	20,79	16,17
2000	823,4	962,0	427,8	153,1	51,96	44,47	18,59	15,91
2001	1138,0	1197,0	474,1	450,0	41,66	39,61	39,54	37,59
2002	1462,3	1432,0	522,4	522,4	35,72	36,48	35,72	36,48
2003	1747,4	1625,0	598,0	598,0	34,22	36,80	34,22	36,80
2004	2026,3	1849,0	660,0	660,0	32,57	35,69	32,57	35,69
2005	2538,2	2450,0	954,0	954,0	37,59	38,94	37,59	38,94
2006	2841,6	2739,0	1035,1	1035,1	36,43	37,79	36,43	37,79
2007	3682,3	3191,0	1560,0	1560,0	42,36	48,89	42,36	48,89
2008	4546,0	3712,0	1794,0	1794,0	39,46	48,33	39,46	48,33

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Таким образом, анализ показателей среднего размера пенсий (табл. 1.7) позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на резкое падение размера пенсий в 1992 г., большую часть 1990-х гг., вплоть до кризиса 1998 г., пенсии индексировались лучше, чем заработная плата, а их средний размер превышал величину ПМП. В результате материальное положение пенсионеров в динамике было относительно лучше, чем других социальных групп. Ситуация изменилась после кризиса 1998 г. С этого момента рост заработной платы начал обгонять рост пенсий. Особенно драматичным это отставание стало после пенсионной реформы 2002 г. В период экономического роста 2000-х гг. благосостояние семей, основным источником

которых были пенсии, стало ухудшаться относительно других групп, прежде всего тех, чьи доходы преимущественно зависели от заработной платы. Эта ситуация сохранялась вплоть до начала текущего финансово-экономического кризиса.

1.1.3. Региональные различия в доходах

Анализ динамики доходной обеспеченности необходимо дополнить региональным измерением. Для России характерна сильная межрегиональная дифференциация по уровню доходов населения, их структуре и динамике. После резкого и повсеместного сокращения в 1990-е гг. реальные доходы населения в России начали расти со II полугодия 1999 г. В целом за период экономического роста, 1999–2007 гг., реальные денежные доходы населения выросли в 2,5 раза, но важно понять, насколько и почему различалась их динамика у жителей разных регионов.

По данным официальной статистики, региональные различия темпов роста реальных доходов более чем трехкратные – от 5,2 раза в Республике Дагестан до 1,5 раза в Магаданской обл. (рис. 1.4). Дагестан относится к слаборазвитым регионам, в которых доходы населения за 2000-е гг. в целом росли быстрее благодаря значительному увеличению федеральной помощи, а также эффекту низкой базы¹⁴. Однако ускоренный рост доходов отмечался не во всех слаборазвитых республиках и автономных округах (АО), еще менее это характерно для депрессивных и проблемных регионов. Помимо некоторых слаборазвитых регионов доходы населения росли опережающими темпами там, где активно заработали конкурентные преимущества: резко выросла добыча нефти (Ненецкий АО и Сахалинская обл.), быстро расширялась зона влияния крупнейшей агломерации (Московская обл.), в условиях экономического подъема сработал эффект более выгодного приморского географического положения (Калининградская и Ленинградская обл.). Для этих регионов, как и для слаборазвитых, высокие темпы роста отчасти обусловлены эффектом низкой базы. Но есть совсем иные примеры. В Приволжском федеральном округе лидерами роста доходов населения стали две наиболее экономически развитые республики – Татарстан и Башкортостан. Их успешное развитие в немалой степени обусловлено особыми отношениями с федеральным центром, перечислявшим этим республикам значительные трансферты в течение 2000-х гг. Для сравнения: динамика роста доходов населения Санкт-Петербурга была высокой только в 2003–2005 гг., хотя город и сейчас имеет особые преимущества, обеспечивающие приток инвестиций и регистрацию крупных компаний-налогоплательщиков. Но на доходах населения в 2006–2007 гг. это сказывалось менее существенно, в целом за 1999–2007 гг. темпы их роста (2,8 раза) ненамного превышали средние по стране (2,5 раза). В результате среднедушевые денежные доходы жителей второй столицы вдвое уступали доходам москвичей. Среди относительно развитых регионов наиболее высокими темпами роста доходов населения (в 3 раза) выделялась только Свердловская обл., причем без специальной федеральной поддержки.

¹⁴ В регионах с низкими исходными показателями один и тот же количественный прирост в рублях обеспечивает более высокие темпы роста, чем в регионах с исходно более высокими показателями.

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

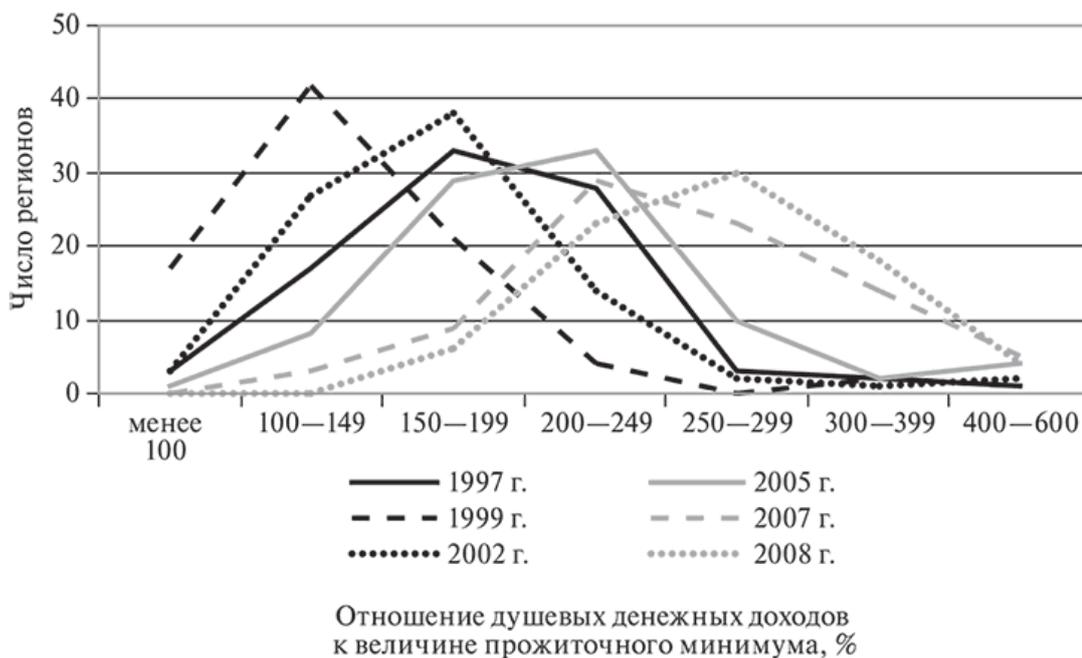
Рис. 1.4. Динамика реальных денежных доходов населения регионов Российской Федерации, 2007 к 1999 г., %

Истории успеха, хотя и достигнутого разными способами, перемежаются примерами отставания. Самыми низкими темпами роста доходов в годы экономического подъема отличались слаборазвитые республики Адыгея и Калмыкия, а также проблемные регионы северо-востока страны – в них доходы только номинально высокие, поскольку высоки и цены. Если верить статистике, то возникает сомнение, что в России существуют приоритеты федеральной поддержки именно слаборазвитых и проблемных удаленных регионов, которая проявлялась бы в опережающем росте доходов их населения. Выбор регионов для особой поддержки нередко диктуется иными критериями, а не целью снижения регионального неравенства доходов населения.

Итак, на этапе экономического подъема опережающий рост доходов населения в регионах стимулировали: *экономический* фактор; *перераспределительная социальная политика* федерального центра (по отношению к части слаборазвитых регионов); *политический* фактор (особая поддержка некоторых регионов); *институциональный* фактор (особые отношения с бизнесом, увеличивающие доходы бюджета региона; данный фактор уходит в прошлое); статистические дооценки доходов; виртуальный фактор и т. д. Первые два фактора играют ведущую роль, но только второй из них явно смягчает пространственные различия. Политический фактор существенен, ведь финансовая помощь федерального центра оказывается отнюдь не только исходя из принципа «подтягивания» слабых. Многофакторность и разновекторность влияния на динамику доходов населения приводят к тому, что измерения регионального неравенства не показывают четкой тенденции к его уменьшению или росту.

Номинальные денежные доходы населения не отражают реальных различий уровня жизни в регионах из-за значительной дифференциации стоимости жизни. Для оценки покупательной способности доходов можно использовать соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума (ПМ) в регионе. Этот показатель не дает такой позитивной картины повышения уровня жизни, как темпы роста реальных доходов. Дело в том, что в методике измерения реальных доходов в качестве дефлятора используется индекс потребительских цен, отражающий структуру потребительских расходов всего населения (треть которых приходится на долю непродовольственных товаров, цены на которые росли медленнее всего). В структуре прожиточного минимума, который отражает потребление бедных групп населения, доля расходов на непродовольственные товары ниже (около 20 %), а на продовольствие и услуги, цены на которые росли быстрее (особенно услуги ЖКХ), заметно выше (соответственно почти половина и около трети). Как следствие рост покупательной способности доходов (соотношения душевых денежных доходов и величины ПМ) отставал от темпов роста реальных доходов населения. Это означает, что положение бедных улучшалось медленнее, чем всего населения.

Распределение числа регионов с разным соотношением душевых денежных доходов и величины ПМ за 1997–2008 гг. показано на рис. 1.5. Резкое снижение покупательной способности доходов после дефолта было преодолено только в 2003 г., когда распределение регионов вернулось на уровень 1997 г. В действительности улучшение было более значительным, поскольку в 2000 и 2006 гг. дважды обновлялась методика расчета прожиточного минимума в сторону его повышения. При этом не во всех регионах изменения вводились сразу, в тот же год. В результате временной ряд данных стал менее сопоставимым.

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Рис. 1.5. Распределение регионов Российской Федерации по отношению душевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума в разные годы

За 2003–2008 гг. распределение регионов еще больше сместилось вправо: стало меньше «бедных» регионов и одновременно выросло число регионов с показателями, близкими к среднероссийским. Сократился диапазон различий между лидерами и аутсайдерами: в 1999 г. средние показатели уровня доходов населения в пяти самых «богатых» и в пяти самых «бедных» субъектах РФ различались в 6,1 раза, в 2005 – в 4,2, в 2007 – в 3,6, а в 2008 г. – только в 2,8 раза (хотя следует учитывать постепенное исчезновение из статистики за последние годы беднейших Коми-Пермяцкого, Эвенкийского и Усть-Ордынского автономных округов после их объединения с «материнскими» регионами). Однако общая картина территориальных диспропорций не изменилась. Для России по-прежнему характерен двух-трехкратный отрыв регионов-лидеров от большинства остальных по уровню доходов. Слаборазвитые и депрессивные субъекты также не могут преодолеть значительное отставание от «срединной» группы.

Значительные региональные и поселенческие различия существуют и в источниках доходов. Для населения крупнейших городов более важную роль играют предпринимательские доходы, в сельской местности – доходы от личного подсобного хозяйства, в ресурсодобывающих регионах (особенно северных) доминирующим источником дохода является заработная плата.

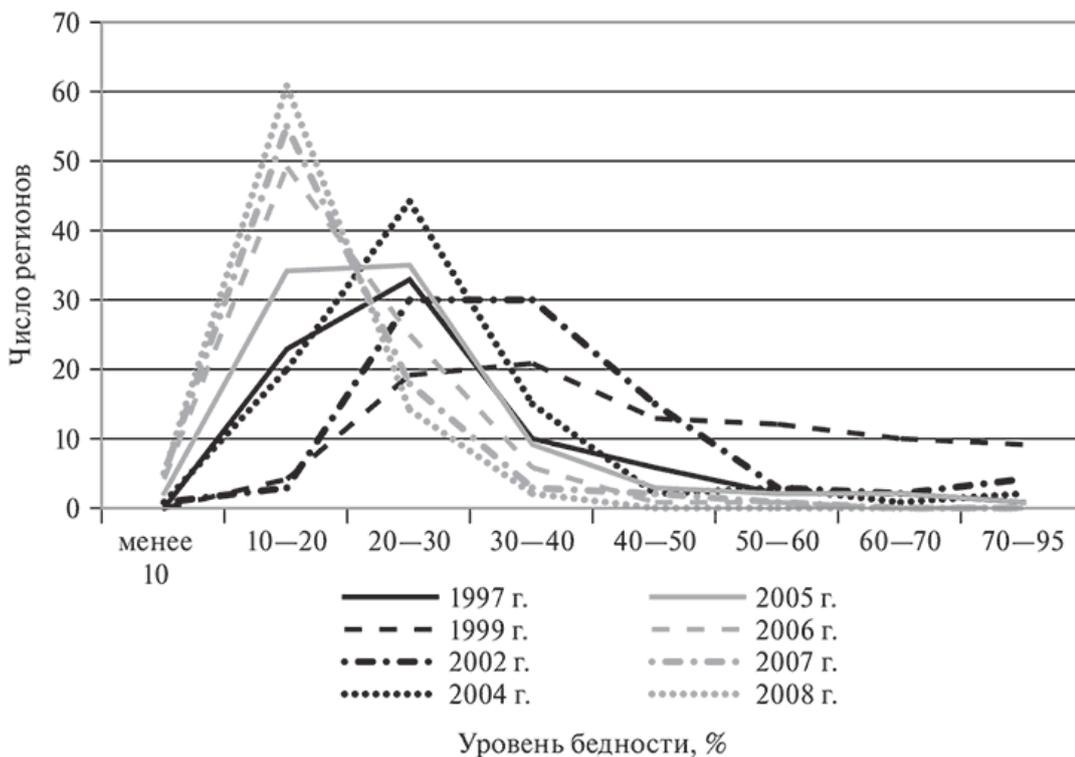
С дооценкой на скрытые заработки доля заработной платы в 2003–2007 гг. составляла 65–67 % доходов населения. Вклад легальной заработной платы существенно меньше (41 % доходов населения в 2007 г.). Региональная дифференциация уровня заработной платы остается важнейшей причиной неравенства доходов. В среднем за 2008 г. отношение средней заработной платы к величине ПМ трудоспособного населения различалось по регионам менее чем втрое – от 2,0–2,2 раза в Дагестане, Ингушетии и Ивановской области до 4,8–5,5 раза в автономных округах Тюменской области. Для сравнения: в 2004 г. различия были почти четырехкратными. Не осталось регионов с соотношением ниже двух раз. Это значит, что в любом регионе получающие среднюю заработную плату родители могут обеспечить двух иждивенцев, хотя и на скудном уровне прожиточного минимума. В целом с начала 2000-

х гг. прослеживается тенденция к сокращению региональных различий в заработной плате (хотя это выявляется только для легальной ее части).

Социальные выплаты занимают второе место в структуре доходов (после заработной платы) – 12 % в 2007 г. В самых богатых регионах доля социальных трансфертов в доходах населения минимальна (5–7 %) в силу меньшей доли малоимущих и большого неравенства по доходу. Однако, судя по данным статистики, выравнивающее влияние социальных трансфертов далеко не очевидно. Например, в слабо развитых республиках Дагестан и Ингушетия доля социальных выплат составляет только 10–16 % доходов населения, а почти половину доходов статистика относит к скрытой заработной плате. Из всех республик юга только в доходах населения Калмыкии и Адыгеи доля социальных трансфертов существенно выше средней по стране и составляет 21–23 %. Такую же долю имеют далеко не самые бедные Орловская, Тульская и Владимирская обл., еще выше этот показатель в депрессивной Ивановской обл. (26 %), где наряду с другими областями центра и северо-запада максимальна доля пенсионеров.

Региональные различия пенсий с корректировкой на стоимость жизни не превышают полутора раз, причем в числе лидеров регионы с самой низкой стоимостью жизни – это «выравнивание в бедности». Из-за удорожания жизни бедность пенсионеров наиболее велика на севере и востоке страны: средние пенсии ниже величины ПМ пенсионера почти во всех регионах Дальнего Востока, в некоторых регионах Сибири. Число таких субъектов сокращалось несущественно – с 30 в 2003 г. до 24 в 2006 г. (данные за IV кв.), но после индексации пенсий в 2007 г. их осталось 11. Есть регионы, в которых просто невозможно выжить на пенсию: в недавно укрупненных Эвенкийском, Таймырском и Корякском автономных округах она на четверть ниже величины ПМ пенсионера, на Сахалине, в Приморском крае и других регионах Дальнего Востока – на 5–15 %. В Москве пенсии также ниже величины ПМ (86 % в 2006 г. и 96 % в 2007 г.). Прошедшая в 2005 г. монетизация льгот и начавшаяся реформа ЖКХ показали, насколько уязвимо положение российских пенсионеров, особенно жителей крупных городов, северян и дальневосточников.

На этапе экономического роста в России наблюдалась устойчивая позитивная тенденция к сокращению уровня бедности (доли населения с доходами ниже прожиточного минимума): с 30 % в 1999 г. до 13 % в 2007–2008 гг. в среднем по стране. Однако межрегиональные различия оставались очень высокими. Минимальную долю бедных в 2008 г. имели нефтегазодобывающие автономные округа – Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий (6–7 %). Максимальный уровень, близкий к тотальной бедности, вплоть до 2006 г. сохранялся в Ингушетии (57 %) и Калмыкии (49 %), но точность оценок доходов населения этих республик невелика. В 2008 г. статистика показывает резкое уменьшение показателя бедности в этих республиках, особенно в Ингушетии (28 %). Наиболее проблемные регионы вообще исчезли из статистики после укрупнения (в 2004 г. уровень бедности в Усть-Ордынском Бурятском АО достигал 76 %, в Коми-Пермяцком АО – 55 %). В большинстве регионов уровень бедности выше среднего по стране, медианный показатель составляет 19 %.

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Рис. 1.6. Распределение регионов по уровню бедности в разные годы

Распределение регионов по уровню бедности только в 2004 г. вернулось к додефолтным показателям 1997 г. (рис. 1.6), на полтора года позже, чем распределение по покупательной способности доходов. Это означает, что практически во всех регионах малообеспеченные группы населения оказались «в стороне» от преимуществ экономического роста, преобладающая часть доходов распределялась не в их пользу, социальная поддержка малообеспеченных групп населения была недостаточно эффективной. На фоне повышения стандартов потребления основной части населения малообеспеченные домохозяйства ощущают собственную бедность и социальную исключенность еще острее. Позитивным изменениям препятствует не только медленный рост доходов бедного населения и сохранение значительного неравенства по доходу, но и неэффективность системы социальной защиты.

1.1.4. Структура использования денежных доходов

Важным индикатором оценки потенциала населения, с точки зрения маневра в условиях кризиса за счет накопленных ресурсов и перспектив модернизационного развития, является структура расходов населения. На макроэкономическом уровне динамический структурный анализ данного объекта затруднен изменениями в методологии статистического учета, связанного с выделением отдельных статей расходов, таких как приобретение недвижимости, покупка иностранной валюты и другие новые для россиян виды расходов. Ориентированная на советские стандарты модель учета использования денежных доходов представлена в табл. 1.8.

Таблица 1.8

Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации, %, доходы = 100 %

	1990	1991	1992	1995	1997	1998	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2007
Всего расходов	95,0	90,2	86,4	96,4	98,4	98,3	98,2	97,2	98,3	97,3	98,2	98,5	96,2
Расходы населения на обязательные платежи и разнообразные взносы	12,2	8,3	8,2	5,6	6,3	6,1	6,6	7,8	8,6	8,3	9,1	10,1	11,8
Сбережения	7,5	19,6	4,8	5,5	2,4	2,5	5,3	7,5	10,4	12,7	10,9	10,4	9,6
Покупка иностранной валюты			0,5	14,8	21,0	12,0	7,8	6,4	5,6	7,3	8,3	8,5	5,2
Покупка товаров населением	75,3	62,3	72,9	70,5	68,7	77,7	78,5	75,5	73,2	69,0	69,9	69,5	69,6
Превышение денежных доходов над расходами	5,0	9,8	13,6	3,6	1,6	1,7	1,8	2,8	1,7	2,7	1,8	1,5	3,8

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 1.9

Состав денежных расходов населения, %

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Денежные расходы	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе: покупка товаров и оплата услуг	78,5	75,5	74,6	73,2	69,1	69,9	69,6	69,0	69,6	74,1
обязательные платежи и разнообразные взносы	6,6	7,8	8,9	8,6	8,3	9,1	10,1	10,5	11,8	12,3
приобретение недвижимости	1,3	1,2	1,4	1,8	2,0	2,3	2,5	3,3	3,9	4,7
прирост финансовых активов	13,6	15,5	15,1	16,4	20,6	18,7	17,8	17,2	14,7	8,9
Из него: прирост/уменьшение денег на руках у населения	1,8	2,8	2,0	1,7	2,7	1,8	1,5	3,4	3,8	0,4

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Рыночная модель формирования расходов была внедрена с 1999 г. и отличается от ранее действовавшей именно спецификой учета финансовых активов и расходов на приобретение недвижимости (табл. 1.9). Что же характеризует специфику расходов российского населения? Во-первых, обязательные платежи и взносы по сравнению с другими странами с развитой рыночной экономикой составляют незначительную часть расходов населения.

Это означает, что основным плательщиком налогов продолжают оставаться корпорации, а не население. Данная характеристика экономического поведения граждан наиболее важна для разработчиков моделей модернизационного развития, поскольку именно маневр передачи доходов и полномочий по уплате налогов от корпоративного сектора населению помог формированию сообщества свободных и ответственных граждан, способных реализовать модели постиндустриального развития, и этот этап развития у нас в стране еще не пройден. Вместе с тем при практически неизменной системе налогообложения сектора домохозяйств, с 2003 г. наблюдается устойчивый рост расходов на обязательные платежи и взносы, который обусловлен развитием жилищных, образовательных и потребительских кредитов. Кредитование сектора домашних хозяйств само по себе является мощным институтом рыночного развития.

В самом начале структурного кризиса (1992–1994 гг.) у населения практически не было ресурсов для сбережений, но при первых признаках экономического оживления и появлении надежных форм хранения сбережений значительная часть доходов стала инвестироваться в сбережения. В целом в 1992–1999 гг. наиболее надежной формой хранения сбережений являлась иностранная валюта (см. табл. 1.8), однако она перестала быть основным способом хранения сбережений на этапе экономического роста. На первой его фазе население наращивало финансовые активы (см. табл. 1.9), к 2003 г. они стали составлять более 20 % расходов населения, но вторая фаза (2004–2008 гг.) предложила населению более развитой рынок недвижимости, инвестиционные и кредитные предпочтения стали сдвигаться именно в сторону приобретения жилья и нежилых помещений. Кризис 2008 г., проявившийся в обесценении национальной валюты и росте недоверия к банковской системе, нашел свое отражение и в структуре расходов: население нарастило расходы на товары длительного пользования, справедливо ожидая роста цен после обесценения национальной валюты; избавилось от наличных рублей, забрало сбережения из банков и купило валюту. Прирост финансовых активов на 8,9 % общего объема расходов населения на 90 % произошел за счет покупки валюты. В принципе, сектор домашних хозяйств продолжал выполнять обязательства по кредитам, поэтому доля обязательных платежей и взносов, измеренная в процентах доходов населения, выросла: доходы упали, а обязательства по кредитам, наоборот, выросли.

Макроэкономические данные свидетельствуют о том, что на второй фазе экономического роста (см. табл. 1.9) расходы населения на приобретение товаров и услуг стабилизировались на уровне 70 %. Их дифференциацию можно увидеть при переходе к анализу расходов на конечное потребление на микроуровне¹⁵ на основе данных выборочных обследований (ОБДХ) бюджетов домохозяйств (табл. 1.10, рис. 1.7). До рыночных преобразований основной статьей были расходы на непродовольственные товары, а покупка продуктов питания составляла 38,4 % расходов на конечное потребление. С 1992 по 2003 г. лидерами расходов стали траты на продукты питания, что свидетельствует о низких стандартах уровня жизни. Доля расходов на питание начала снижаться с 1999 г. и за истекшие десять лет сократилась на 21 п.п., что является косвенным доказательством повышения доходной обеспеченности населения и потребительских стандартов. Среди других тенденций – довольно заметный рост расходов на оплату услуг (с 9,7 % в 1991 г. до 25,5 % в 2008 г.), обусловленный в первую очередь ростом тарифов на жилищно-коммунальные и транспортные услуги. Важно также подчеркнуть, что всплеск потребительских расходов на товары длительного пользования, зафиксированный на макроуровне в первые месяцы кризиса (август – ноябрь 2008 г.), не нашел подтверждения в данных обследования бюджетов домохозяйств, это значит, что он концентрировался в очень узком сегменте среднего класса. При этом рост цен на про-

¹⁵ В данном случае используются данные о расходах в денежной и неденежной формах.

дукты питания, обусловленный девальвацией национальной валюты, нашел отражение даже в среднегодовых данных о структуре потребительских расходов за 2008 г.

Таблица 1.10

Структура потребительских расходов домашних хозяйств в среднем на члена домохозяйства в год, по данным ОБДХ, %

	1991	1992	1994	1995	1997	1998	1999	2000	2003	2006	2007	2008
Покупка продуктов питания и питание вне дома	38,5	47,1	46,8	52,0	45,8	53,3	53,9	49,4	40,7	34,1	31,2	31,9
Покупка непродовольственных товаров	47,6	41,2	40,2	31,8	36,5	30,2	30,8	34,3	37,3	38,8	41,7	40,9
Покупка алкогольных напитков	4,2	4,0	2,9	2,5	2,7	2,6	2,5	2,5	2,2	1,9	1,7	1,6
Оплата услуг	9,7	7,7	10,1	13,7	15,0	13,9	13,0	13,8	19,8	25,2	25,4	25,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Источник: Рассчитано на основе данных Росстата.

Рис. 1.7. Основные компоненты потребительских расходов домашних хозяйств в среднем на члена домохозяйства в год, по данным ОБДХ, %

1.1.5. Субъективные оценки изменения уровня жизни и потребительских настроений

Обратимся теперь к оценкам отношения населения к социально-экономической ситуации в стране и собственному благополучию, основанным на данных социологических опросов населения ИПН¹⁶. Частные составляющие индекса, характеризующие материальное положение населения, как и основные макроэкономические индикаторы, показывают, что период экономического роста сопровождался улучшением ситуации с душевыми доходами: доля отрицательных оценок текущего материального положения с 2000 по 2008 г. снизилась с 44 до 20 % (рис. 1.8). Однако сразу же стоит оговориться, что такое снижение происходило преимущественно не за счет роста доли семей, чье материальное положение улучшалось (такой прирост составил лишь 8 п.п.), а за счет роста доли тех, кто находился в зоне стабильности (их материальное положение не улучшалось и не ухудшалось). Именно поэтому на уровне сектора домохозяйств в массовом сознании последние восемь лет воспринимаются не как годы роста, а как период стабилизации благосостояния.

Источник: Рассчитано на основе данных обследования ИПН.

Рис. 1.8. Компонента изменения текущего материального положения семей

Нынешний кризис внес коррективы в динамику данной компоненты ИПН. Если в июне 2008 г. 20 % населения считали, что их материальное положение за последний год ухудшилось, то уже в феврале 2009 г. доля таких людей возросла до 51 %. Такого высокого процента

¹⁶ Индекс потребительских настроений представляет собой макроэкономический индикатор, разработанный Фондом ИПН для России. Аналогом ИПН является показатель, известный в США как Consumer Sentiment Index (CSI). В настоящее время ИПН регулярно измеряется в большинстве развитых стран. В России в 2004–2008 гг. данный проект осуществлялся Независимым институтом социальной политики (НИСП), фондом ИПН и Аналитическим центром Ю. Левады при поддержке Сбербанка РФ под руководством до 2000 г. А. Бирман, а после 2000 г. – Д. Х. Ибрагимовой. Подробно о методологии измерения индекса см.: *Ибрагимова Д. Х., Николаенко С. А.* Независимый институт социальной политики. М., 2005.

населения, отмечающего падение уровня доходов, не наблюдалось ни разу на рассматриваемом промежутке времени. Но еще более интересным является результат, свидетельствующий о том что в апреле 2009 г. ситуация выглядит более оптимистично по сравнению с февралем, и это при том, что экономисты говорили о нарастании экономического кризиса, «дно» которого тогда еще не было достигнуто.

Аналогичные тенденции характерны для компоненты ожиданий изменения материального положения домохозяйства в ближайший год. На рис. 1.9 видно, что до 2009 г. ситуация улучшалась, ожидания населения становились более оптимистичными. В феврале 2009 г. произошло резкое ухудшение ожиданий семей: половина респондентов считали, что их материальное положение ухудшится. В апреле доля пессимистов сократилась до 35 %, что отражало происходящую в сознании людей адаптацию и понимание того, что худшие опасения не оправдались.

Источник: Рассчитано на основе данных обследования ИПН.

Рис. 1.9. Компонента ожиданий изменения материального положения домохозяйств в ближайший год

Подводя итог, отметим, что за годы постсоветского развития Россия прошла гигантский путь в адаптации доходов и потребительского поведения населения к новой экономической модели: возникли новые источники доходов и направления расходования денежных средств; население, пройдя через структурные и финансовые кризисы, выработало модели поведения в условиях экономического спада; массовое участие в кредитовании и рынке жилья способствовало развитию навыков рыночного поведения на уровне сектора домашних хозяйств; финансовые активы и расходы на покупку недвижимости стали составлять значимую часть в доходах и расходах домохозяйств. Цена за прохождение через реформы и кризисы была заплачена немалая: двукратное падение реальных доходов в начале рыночных реформ и восстановление их предреформенного уровня только к концу 2006 г. Эти процессы развивались на фоне роста дифференциации доходов в 3,5 раза. Вместе с тем структура расходов населения России указывает на то, что она еще далека от социумов постиндустриаль-

ного типа, в рамках которых население напрямую, а не через корпорации, платит основные налоги, что существенно повышает его статус как экономического агента.

1.2. Неравенство в распределении доходов населения: факторы развития и стагнации

1.2.1. Макроэкономический мониторинг дифференциации доходов населения: возможности и ограничения

Как уже отмечалось, становление рыночных отношений в России сопровождалось стремительным ростом неравенства в распределении доходов. Большинство исследователей¹⁷ относят рост неравенства и бедности к основным социально-экономическим рискам, порождаемым глобализацией. Значение неравенства по уровню доходной обеспеченности в объяснении динамики основных экономических и социальных процессов до сих пор остается недооцененным как исследователями, так и лицами, принимающими ответственные политические и управленческие решения. Большинство экспертов длительное время терпимо относились к росту дифференциации, придерживаясь известной гипотезы Саймона Кузнецца, согласно которой экономический рост, с одной стороны, провоцирует всплеск неравенства, с другой стороны, создает материальную основу для перераспределения ресурсов в пользу бедных и снижения неравенства. Справедливости ради следует отметить, что речь шла не о конъюнктурном экономическом росте, а о развитии экономики за счет роста производительности труда и заработков у большинства работающего населения, а перераспределительная функция государства рассматривалась только относительно неработающих граждан.

Сравнительный анализ динамики показателей распределения доходов в разных странах позволяет сделать вывод о неодинаковости темпов роста доходного неравенства¹⁸. Например, в Венгрии коэффициент Джини за 10 лет увеличился совсем незначительно (с 0,21 в 1987 г. до 0,25 в 1997 г.). В Чехии, Польше и Латвии увеличение неравенства было более существенным, но все же не таким масштабным. И только практически для всех стран СНГ рост неравенства оказался беспрецедентным и стал сопоставимым с показателями стран Латинской Америки.

Как на разных этапах экономического цикла изменения в структуре и уровне доходов населения России отразились на их дифференциации? Для понимания данного вопроса вновь обратимся к рассмотренным ранее двум макроэкономическим измерителям неравенства (рис. 1.2):

- 1) децильным коэффициентам дифференциации, которые, как уже отмечалось, чувствительны к изменению неравенства на краях распределения;
- 2) коэффициентам концентрации доходов Джини, реагирующим на неравенство в середине и на «хвостах» распределения.

В период структурного кризиса (1992–1999 гг.) на фоне двукратного падения реальных доходов и заработной платы произошел трехкратный рост дифференциации доходов. И далее на этапе экономического роста наблюдалась плавная тенденция к росту коэффициента Джини и фондового коэффициента дифференциации доходов, который отражает нарастание разрыва в объемах доходов 10 % самых обеспеченных, с одной стороны, и 10 % самых низкодоходных людей в стране – с другой.

¹⁷ Porter M. E. *The Competitive Advantage of Nations*. L.: Basingstoke, 1990; Landes D. S. *The Wealth and Poverty of Nations*. N.Y.; L., 1998.

¹⁸ Asad A. *Growth, Poverty and Inequality: Eastern Europe and the Former Soviet Union*. World Bank, 2005.

Важно подчеркнуть, что тенденции к изменению дифференциации оплаты труда, которая является основным источником доходов российского населения, не совпадают с динамикой доходного неравенства. В период с 1991 по 2001 г. коэффициент фондов по зарплате увеличился с 7,8 до 39,6 раза, а затем резко снизился в 2002 г. до 30,5 раза, положив начало процессу сокращения неравенства по оплате труда. Если обратиться к данным последнего наблюдения за заработной платой (апрель 2009 г.), то впервые дифференциация оплаты труда стала ниже неравенства по доходам и опустилась до уровня 14,7 раза.

Какова взаимосвязь между неравенством в доходах и в заработной плате? Данные, представленные на рис. 1.2, свидетельствуют о том, что этой взаимосвязи в России нет. В 2001 г. при децильном коэффициенте дифференциации доходов в 13,9 раза для заработной платы данный показатель составил 39,6 раза. Во II кв. 2009 г. этот критерий оценивал дифференциацию доходов на уровне 15,8 раза, а заработной платы – на уровне 14,7 раза. Такие колебания наблюдаются на фоне того, что около 70 % доходов формируется за счет оплаты труда, и 62 % домохозяйств имеют в своем составе работающих. Именно поэтому большинство экспертов считают, что в основе дифференциации доходов лежит дифференциация оплаты труда.

Поляризация доходов в значительной степени обусловлена появлением доходов от собственности и предпринимательской деятельности, составляющих около 20 % общего объема доходов, но этого объема недостаточно, чтобы создать эффект разнонаправленных векторов динамики дифференциации доходов и заработной платы. Очевидно, что есть серьезные проблемы измерения, и начнем с заработной платы. Представленные показатели ее дифференциации оцениваются на основе наблюдения только за крупными и средними предприятиями, и, согласно данным официальной статистики, в начале текущего кризиса (по состоянию на ноябрь 2008 г.) штатными сотрудниками организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, были 37,1 млн чел., или 52 % общей численности занятых. Еще 2 млн чел. (в эквиваленте полной занятости), или 2,6 % общей численности занятых, привлекались на условиях совместительства или по договорам гражданско-правового характера. Следовательно, практически половина работающих не попадают в поле зрения, когда оценивается дифференциация оплаты труда.

Как уже отмечалось (см. табл. 1.2), около 40 % фонда оплаты труда (или четверть всех доходов) скрыто от статистического наблюдения. Если это так, то ненаблюдаемая часть заработной платы в совокупности с доходами от собственности и предпринимательскими доходами может задать разнонаправленные векторы в динамике доходов и наблюдаемой части заработной платы. Но тогда возникает вопрос о легитимности официальных оценок дифференциации заработной платы.

Необходимо отметить, что оценки дифференциации экономического благосостояния домохозяйств чувствительны к методологии расчета коэффициентов неравенства. В частности, Росстат, игнорируя межрегиональные различия в стоимости жизни, тем самым завышает фактический уровень неравенства, но, с другой стороны, не учитывая территориальные различия в уровне доходов, занижает дифференциацию. Поскольку последнее превосходит первое, в конечном счете методика Росстата занижает уровень дифференциации для России. Если пересчитать официальные коэффициенты дифференциации с учетом региональных различий в стоимости жизни и не собирать децильные группы из региональных децильных групп, то значение коэффициента фондов повышается до 25 раз. Это означает, что реальная дифференциация в России существенно выше. В целом официальная методология оценки коэффициента дифференциации доходов так все сглаживает, что если и фиксируются какие-либо изменения коэффициента дифференциации, то реальные изменения в наблюдаемых доходах значительно больше. Правда, мы не знаем, что происходит с доходами, скрытыми от наблюдения.

Максимально правдоподобная картина дифференциации оплаты труда складывается для крупных и средних предприятий. Имеющиеся данные указывают на то, что для этого сегмента экономики характерно высокое межотраслевое и внутриотраслевое неравенство. Межотраслевая дифференциация заработной платы обусловлена как различиями в экономическом положении отраслевых групп, имеющих разную экономическую значимость, так и конкурентоспособностью производимой продукции.

Таблица 1.11

Различия в средней заработной плате по видам экономической деятельности в 1995–2009 гг., % к средней по экономике

Показатель	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007 ноябрь	2008 ноябрь	2009 сентябрь
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	55	44	44	43	43	45	43	43	46	48	50
Рыболовство, рыбоводство	158	128	118	115	99	105	120	114	110	112	128
Добыча полезных ископаемых	226	267	281	254	253	250	231	217	210	191	184
Обрабатывающие производства	96	106	106	102	102	102	98	96	97	94	89
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	167	142	137	135	132	128	124	120	116	111	116
Строительство	124	119	119	110	112	108	106	105	105	107	96
Оптовая и розничная торговля, ремонт	76	71	71	70	72	73	77	77	79	86	86
Гостиницы и рестораны	69	74	74	70	72	70	71	68	70	68	69
Транспорт и связь	149	145	133	134	136	138	133	124	123	121	122
Финансовая деятельность	160	235	274	304	283	258	263	259	260	240	220
Операции с недвижимым имуществом, аренда	88	110	109	107	113	116	120	120	123	124	124
Отрасли с высокой долей бюджетных организаций											
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	109	122	116	119	126	117	128	123	120	121	124
Образование	65	56	57	67	62	62	63	65	65	65	71
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	73	60	60	72	67	68	69	75	75	75	80
Предоставление прочих (коммунальных, социальных и персональных) услуг	100	70	71	73	71	72	74	74	77	79	85

Источники: Рассчитано по данным сборников Росстата: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006. Стат. сб. / Росстат. М., 2006; Россия в цифрах. 2007. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2007.

Данные табл. 1.11 подтверждают устойчивость иерархии отраслей применительно к анализу дифференциации оплаты труда, поэтому рассмотрим ее на примере 2006 г.¹⁹ В отраслях с самой высокой заработной платой ее уровень превосходит средний по экономике как минимум в 1,2 раза. В эту группу входят добывающие и инфраструктурные отрасли (добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, финансово-кредитная деятельность) и госуправление. «Средняя» группа образована отраслями обрабатывающей промышленности и строительством. В этих отраслях показатели оплаты труда тяготеют к среднероссийским.

В «низшей» группе представлены отрасли, в которых средняя зарплата составляет примерно две трети среднероссийской: это отрасли бюджетного сектора, а также торговля, общественное питание, гостиничный и ресторанный бизнес. Из бюджетных сфер в данную группу не попадает только более высокооплачиваемый сектор государственного управления и обеспечения военной безопасности, включающий и занятых в обязательном социальном обеспечении. Особо низким статусом обладает сельское хозяйство, в котором средняя зарплата составляет лишь 43 % среднероссийского показателя.

Итак, очевидно, что бюджетный сектор и сельское хозяйство – зоны низкооплачиваемости, что, собственно, и объясняет высокое представительство среди бедных работающего населения, в том числе с высшим образованием, и высокие риски бедности в сельской местности, где низкие заработки в значительной степени обусловлены низкими профессионально-квалификационными характеристиками занятых. Для бюджетного сектора характерна другая ситуация, что подтверждается, например, работами В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова, в которых данные о вознаграждении приводятся к сопоставимому виду посредством выделения работников, занятых в различных секторах экономики, но с одинаковыми профессионально-квалификационными характеристиками. Согласно их результатам, «в России, в отличие от большинства стран, работникам бюджетной сферы существенно недоплачивают по сравнению с аналогичными работниками альтернативного сектора»²⁰. Следовательно, более ускоренные темпы роста заработной платы в бюджетном секторе, сельском хозяйстве, торговле и общественном питании не поменяли место этих отраслей в общей иерархии. Это означает, что бюджетники, которых многие эксперты рассматривают как главный потенциал для роста среднего класса, в годы экономического подъема не изменили своего положения в межотраслевой дифференциации.

Высокий уровень неравенства в оплате труда наблюдается не только между, но и внутри отдельных отраслей, что можно проиллюстрировать данными о коэффициентах дифференциации фондов (табл. 1.12) по видам экономической деятельности. В последний предкризисный год самую высокую дифференциацию оплаты труда – с коэффициентом фондов более 25 раз – имели три вида экономической деятельности, каждый из которых связан с сектором услуг, – финансовый сектор, торговля и общественное питание, а также предоставление прочих (коммунальных, социальных и персональных) услуг.

Таблица 1.12

¹⁹ Мы выбрали данный год как наименее подверженный регулирующему воздействию на заработную плату со стороны государства.

²⁰ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2007. С. 241.

Дифференциация зарплаты внутри видов экономической деятельности в 2005–2009 гг., соотношение средней заработной платы 10 % работников с наибольшей и 10 % работников с наименьшей заработной платой, разы

Показатель	2005	2006	2007	2009
1	2	3	4	5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	22,2	21,3	19,3	9,2
Добыча полезных ископаемых	17,7	16,6	14,6	13,1
Обрабатывающие производства	14,9	13,9	12,3	10,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	11,3	11,5	11,6	10,4
Строительство	18,2	16,7	15,6	13,1
Оптовая и розничная торговля, ремонт	32,2	32,7	24,7	19,0
Гостиницы и рестораны	20,0	21,1	15,1	10,6
Транспорт и связь	16,9	17,6	14,9	10,7/17,8*

1	2	3	4	5
Финансовая деятельность	33,9	31,4	26,7	19,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда	24,8	27,1	23,3	19,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	14,7	14,7	13,8	9,8
Образование	15,6	16,5	15,3	10,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	12,6	14,9	13,8	10,1
Предоставление прочих (коммунальных, социальных и персональных) услуг	23,9	28,2	26,3	17,8

* 10,7 раза – внутриотраслевая дифференциация на транспорте; 17,8 раза – внутриотраслевая дифференциация в связи.

Источники: Труд и занятость в России. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 399–400; Распределение численности работников по размерам начисленной заработной платы (по результатам выборочного обследования организаций за апрель 2009 г.); см. сайт Росстата: http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_N/ZAN

Отметим, что за годы экономического роста уровень дифференциации оплаты труда в финансовом секторе в целом снизился, а в торговле он рос до 2006 г. включительно, достигнув 32,7 раза, но в 2007 г. зафиксировано снижение до 24,7 раза, что обусловлено широкой распространенностью административных методов борьбы с малооплачиваемостью.

В начальный период экономического роста значительной неоднородностью характеризовалось сельское хозяйство, в котором на экономическое положение производителей существенно влияет природно-климатический фактор, однако в 2005 г. ситуация изменилась, чему способствовало проводившееся в этот период повышение минимальной зар-

платы, повлекшее за собой рост зарплаты в среднем по отрасли и тем самым способствующее сокращению дифференциации. Виды деятельности, преимущественно представленные бюджетным сектором, попадают в категорию не отличающихся высоким внутренним неравенством в оплате труда.

Значимый вклад в неравенство вносят региональные различия в заработной плате, достигающие десятков раз, если сравнивать самую высокооплачиваемую отрасль реального сектора «богатого» региона и самую низкооплачиваемую отрасль «бедного»²¹. Так, в 2004 г. номинальная средняя заработная плата в промышленности Ямало-Ненецкого АО была в 26–36 раз выше заработной платы занятых в сельском хозяйстве Дагестана и Агинского Бурятского АО. Однако региональные различия в оплате труда в значительной степени обусловлены отраслевой структурой региональной экономики, поэтому обратимся к региональным данным в рамках одной отрасли, например здравоохранения, работники которого в странах ЕС являются типичными представителями среднего класса. В 2006 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций здравоохранения в Москве (16 546 руб.) в 3,9 раза превышала соответствующий показатель для Республики Дагестан (4305 руб.). Ряд экспертов справедливо считают, что межрегиональные различия в оплате труда «одинаковых» работников в основном носят компенсирующий характер: работники получают в терминах заработной платы за более высокий уровень цен и относительно неблагоприятные условия проживания²². Но наряду с компенсирующим эффектом в бюджетных секторах территориальная дифференциация оплаты труда в рамках сходных видов экономической деятельности обусловлена возможностями региональных бюджетов и высокими барьерами для межрегиональной мобильности трудовых ресурсов.

Наконец, нельзя не обратить внимание на гендерное неравенство (табл. 1.13).

Таблица 1.13

Соотношение заработной платы мужчин и женщин по отраслям экономики в 1998–2004 гг., разы

	1998	2000	2001	2002	2003	2004
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
В среднем по экономике	1,4	1,6	1,6	1,5	1,6	1,6
Промышленность	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6
Сельское хозяйство	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1
Строительство	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2

²¹ Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т. М. Малевой, Н. В. Зубаревич и др.; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007.

²² Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. С. 332–333.

1	2	3	4	5	6	7
Транспорт	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4
Связь	1,4	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	1,4	1,5	1,6	1,8	1,6	1,6
Информационно-вычислительное обслуживание	1,4	1,5	1,5	1,6	1,9	1,9
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2
Финансы, кредит, страхование	1,3	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6
<i>Отрасли с высокой долей бюджетных организаций</i>						
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	1,3	1,4	1,3	1,3	1,4	1,4
Образование	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3
Культура и искусство	1,2	1,4	1,5	1,4	1,5	1,5
Наука и научное обслуживание	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
Управление	1,2	1,2	1,3	1,3	1,2	1,3

Источник: Сборник Росстата «Труд и занятость в России» разных лет.

В целом разрыв в оплате труда мужчин и женщин составляет около 1,5 раза в пользу мужчин. В отраслях с высокой долей бюджетных организаций, для которых характерна более низкая цена труда, соотношение зарплаты мужчин и женщин ниже, чем во внебюджетном секторе. В годы экономического подъема гендерная дифференциация заработков росла как в бюджетном, так и в небюджетном секторе (разрыв в заработной плате мужчин и женщин увеличился примерно на 10 %). Вместе с тем не следует преувеличивать значимость гендерных и отраслевых различий в оплате труда при оценке доходного неравенства. На уровне домашних хозяйств гендерные различия нивелируются. Более того, мы не можем утверждать, что, например, работники бюджетных секторов с более низкими заработками отличаются и более высокими рисками бедности или более высокой вероятностью попадания в средний класс. Возможно, врачи и преподаватели вузов в основном попадают в число представителей среднего класса, но не они составляют основную численность занятых в образовании и здравоохранении, лидерство – за учителями школ и средним медицинским персоналом.

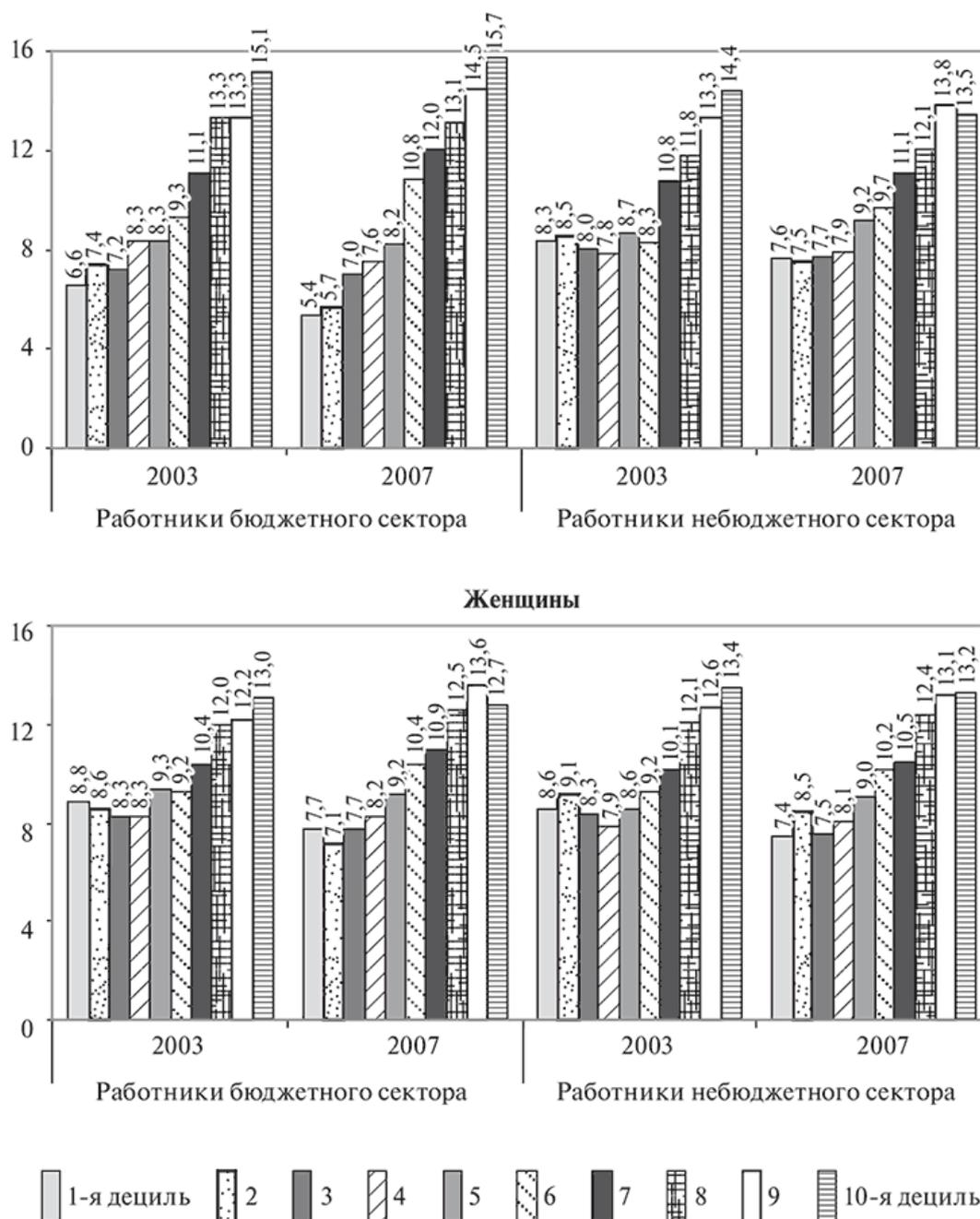

Рис. 1.10. Распределение работников различных секторов по децильным группам по доходу (100 % – все работники сектора)

Занятые в бюджетных и небюджетных секторах в одинаковой степени представлены в разных доходных группах (рис. 1.10). При высокой внутриотраслевой дифференциации по заработной плате на первый план выходят неравенства, обусловленные социальной сегрегацией на уровне домашних хозяйств, проявляющейся в том, что в рамках одной семьи собираются индивиды с близкими характеристиками человеческого капитала. При этом более низкие заработки женщин в семейных моделях распределения экономических и социальных ролей компенсируются большими заработками мужчин; в свою очередь они позволяют сочетать экономическую активность и большой мандат семейных обязанностей при дефицитности рынка социальных услуг. Гендерная дифференциация в оплате труда проявляется в тех случаях, когда в семье физически нет второго работника (например, неполные семьи с

детьми), но данные РиДМиЖ свидетельствуют о том, что средняя заработная плата одиноких матерей выше, чем замужних женщин.

Таким образом, структурный анализ неравенства свидетельствует о том, что в современном российском обществе мы наблюдаем неравенства, обусловленные социальной сегрегацией работников на шкале человеческого капитала, которые являются следствием модернизационных социальных изменений. Они приводят к увеличению разрывов между социальными стратами по целому набору ресурсов (доходы, образование, занятость, квалификация), и при высоком уровне «старых» неравенств (межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация зарплаты, различия в структуре региональных рынков труда, низкая мобильность населения) мы уже имеем новые (сегрегация человеческого капитала на семейном уровне, дифференциация региональных программ социальной поддержки), для преодоления которых недостаточно удвоения ВВП и реальных доходов населения. В этой связи на передний план модернизационного развития, о котором все чаще говорят эксперты и политики как единственно верном сценарии преодоления в России кризиса, выдвигается задача снижения неравенства. Сегодня уже очевидно: несмотря на то, что кризис был спровоцирован внешними по отношению к российской экономике факторами, он в полной мере обнажил внутренние диспропорции в экономике и обществе, обусловленные высокой зависимостью экономики от ресурсодобывающих отраслей, собственно, и задающей вектор неравенства.

Влияние текущего кризиса на дифференциацию населения, по официальным данным Росстата, заметно только в поквартальном разрезе (табл. 1.14). Учет ведется накопительным итогом с начала года, поэтому данная специфика измерения действует сглаживающим образом на дифференциацию при переходе к более поздним кварталам. Но даже при таком подходе, до и в ходе кризиса, мы видим мощный дифференцирующий эффект IV кв., что связано с выплатой годовых премий и бонусов. Причем 20 % беднейших исключены из данного процесса, а 20 % наиболее обеспеченных, наоборот, имеют максимальный доступ к нему.

Таблица 1.14

Распределение общего объема денежных доходов населения в 2007–2009 гг., %

	2007				2008				2009		
	I кв.	I полугодие	Январь—сентябрь	Год	I кв.	I полугодие	Январь—сентябрь	Год	I кв.	I полугодие	Январь—сентябрь
Денежные доходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
В том числе по 20%-ным группам населения											
первая (с наименьшими доходами)	5,4	5,3	5,3	5,1	5,3	5,3	5,2	5,1	5,4	5,3	5,3
вторая	10,1	10,1	10,0	9,7	10,0	9,9	9,9	9,7	10,1	9,9	10,0
третья	15,1	15,1	15,0	14,8	15,1	15	14,9	14,8	15,1	15,0	15,0
четвертая	22,7	22,6	22,6	22,5	22,6	22,6	22,6	22,5	22,7	22,6	22,5
пятая (с наивысшими доходами)	46,7	46,9	47,1	47,9	47,0	47,2	47,4	47,9	46,7	47,2	47,2
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,408	0,411	0,413	0,423	0,412	0,415	0,416	0,424	0,408	0,414	0,414
Коэффициент фондов, разы	15,1	15,4	15,6	16,8	15,6	15,8	16,1	16,9	15,1	15,8	15,8

Источник: Данные Росстата.

Повлиял ли кризис на дифференциацию? Если судить по макроэкономическим показателям дифференциации, то в целом нет, и только в I кв. наблюдается увеличение удельного веса доходов 20 % самых бедных в общем объеме доходов, что, как и в случае 2007 г., стало следствием двукратного повышения минимальной заработной платы. По сути это инициированный государством перераспределительный процесс, который не связан с кризисом и является инструментом реализации политики, определенной еще на этапе экономического роста. Влияние кризиса на неравенство в распределении наблюдаемой части заработной платы просматривается через призму различий в средней заработной плате по видам экономической деятельности и изменений дифференциации оплаты труда внутри видов экономической деятельности. Еще раз отметим, что кризис снизил коэффициент дифференциации фондов по наблюдаемой части заработной платы до беспрецедентно низкого уровня (14,7 раза). Произошло это, во-первых, за счет эффекта роста минимальной заработной платы в низкооплачиваемых видах экономической деятельности (сельское хозяйство, торговля, гостиницы и рестораны, образование и здравоохранение), во-вторых, за счет снижения высоких заработков в отраслях с избыточным неравенством (финансовая деятельность и добыча полезных ископаемых). Снижение меж-деятельностной и внутридеятельностной дифференциации относится к позитивным результатам текущего кризиса.

1.2.2. Государственная политика регулирования доходов и ее влияние на дифференциацию

Конъюнктурный экономический рост, не подкрепленный адекватным ростом производительности труда, не позволяет снижать неравенство за счет перераспределения ресурсов, особенно когда мандат по перераспределению достаточно высок (масштабный бюджетный сектор, государственное пенсионное обеспечение и всеобъемлющая система социальной защиты).

Маневрируя между ростом инфляции и мерами по увеличению доходов и снижению неравенства посредством государственного перераспределения, политики стремятся последовательно реализовать: 1) ускоренный рост заработной платы в бюджетном секторе; 2) значительное повышение минимальной заработной платы;

3) повышение пенсий и 4) увеличение расходов на поддержку социально уязвимых групп населения.

Макроэкономический анализ показывает, что в России эти меры не оказали позитивного влияния на неравенство, наоборот, привели к его увеличению. Можно предложить и другую экономическую интерпретацию тенденции к изменению коэффициента дифференциации фондов за годы экономического роста: перераспределительные меры не снижали неравенство, а конъюнктурный экономический рост работал на его увеличение.

Проанализируем основные меры регулирования доходов в годы экономического роста. Начнем с измерений коэффициента дифференциации фондов на основе данных Российского мониторинга экономического благосостояния и здоровья населения (РМЭЗ) – выборочного обследования населения по репрезентативной общероссийской выборке с объемом более 7000 респондентов²³. В случае использования данных обследования населения мы получаем менее сглаженные показатели неравенства, способные улавливать эффекты политики регулирования доходов, но нужно постараться избежать влияния случайных факторов колебания доходов. Решить эту проблему позволит использование вместо доходов показателя душевых расходов, более устойчивого к случайным колебаниям и потому более надежного для оценки неравенства на основе данных выборочных обследований населения. При построении показателя благосостояния использовалась информация о расходах домохозяйства на продовольственные, непродовольственные и другие товары, услуги. Для того чтобы нивелировать различия в стоимости жизни между российскими регионами, расходы каждого домохозяйства корректировались на соотношение регионального и общероссийского уровней прожиточного минимума. Подчеркнем, что нивелирование региональных различий несколько сжимает показатели дифференциации. Результаты оценки неравенства на основе данных РМЭЗ представлены в табл. 1.15 и свидетельствуют о том, что годы экономического роста характеризовались колебаниями значений децильного коэффициента дифференциации фондов.

Таблица 1.15

Оценка дифференциации доходов, разы

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Коэффициент дифференциации фондов, разы	24,9	19,4	19,2	20,6	21,7	17,3	22,6	17,9

²³ Подробную информацию об обследовании РМЭЗ (RLMS) можно получить в Интернете <http://www.cpc.unc.edu/rlms> или в Институте социологии РАН (Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5).

Источник: РМЭЗ разных лет.

Как полученные оценки неравенства соотносятся с мерами реализуемой политики? Проанализируем годовую динамику реального денежного содержания тарифной ставки 1-го разряда, средней заработной платы и дифференциации доходов и заработной платы в экономике в целом и бюджетных отраслях.

В 2001 г. наблюдался один из самых высоких темпов годового реального роста тарифной ставки 1-го разряда, при этом средняя в образовании и здравоохранении, по отношению к предыдущему году, увеличивалась быстрее среднероссийского уровня, но несущественно: при среднегодовом росте по экономике в целом на уровне 22 % темп роста зарплаты в обеих рассматриваемых отраслях составил 24 %. Как результат произошло сжатие неравенства.

В 2002 г. ставка 1-го разряда не меняется в течение года, а темпы роста средней в образовании и здравоохранении опять совпадают и существенно превышают среднероссийский уровень – 139 % против 117 %, причем основной рост приходится на II полугодие. Данный год является одним из лучших с точки зрения приближения средней оплаты труда в бюджетных отраслях к средней по стране, и в результате удается снизить неравенство.

2003-й – год минимального государственного вмешательства в оплату труда в бюджетном секторе. В реальном выражении денежное содержание 1-го разряда тарифной сетки даже снизилось, а средняя заработная плата выросла всего на 3 % в образовании и 4 % в здравоохранении, и это при том что в среднем по экономике произошло увеличение реальной заработной платы на 13 %. Отрасли самонастраивались за счет экономических событий на микроуровне и вне мер государственной политики. Рыночные отрасли, чтобы не терять квалифицированные кадры, демонстрировали более высокие темпы роста зарплаток и тем самым компенсировали пошатнувшийся баланс в соотношении уровней оплаты труда. Эффект проявляется в росте дифференциации доходов.

2004 г. похож на 2003-й, и потому продолжается рост неравенства. Все эти четыре года делается упор на повышение заработной платы в бюджетном секторе и рост минимальной оплаты труда в ущерб росту пенсий. Результатом также является рост неравенства.

2005-й – год смещения приоритетов в перераспределении доходов в пользу пенсионеров: монетизация льгот и ускоренный рост пенсий, что в совокупности приводит к снижению дифференциации.

В 2006 г. как следствие реализации национальных проектов, мы наблюдаем ускоренный рост оплаты труда в здравоохранении: за год реальный прирост зарплаток составил 26 % при среднем по экономике уровне 15 % и 18 % – в образовании. В данном случае механизмы воздействия не были связаны с минимальной оплатой труда, поэтому наблюдаем рост неравенства.

Следующий, 2007-й, стал годом масштабного роста минимальной оплаты труда и повышения пособия по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет и пособия по беременности и родам, что привело к снижению неравенства.

Итак, чередуя меры поддержки бюджетников, низкооплачиваемых работников, пенсионеров и семей с детьми, Правительство России при большом числе участников перераспределительных процессов не смогло вывести из бедности работающее население и получателей страховых пенсий, которые в других странах не попадают в число бедных, так как зарплата и страховая пенсия гарантируют защиту от бедности. Субъективно ощущая себя бедными, пенсионеры и низкооплачиваемые работники претендуют на социальные пособия для бедных даже в тех случаях, когда таковыми не являются. Сдерживание высвобождения работников не позволяло ставить вопрос о росте производительности труда, и как результат – высокое неравенство при низкой производительности труда и плохих институциональных условиях для развития адресных программ поддержки бедных.

1.2.3. Статическая и динамическая декомпозиция неравенства на микроуровне: хорошие и плохие неравенства

Если рассматривать доходы населения как макроэкономическую характеристику, то приоритетность механизмов, регулирующих оплату труда, в общей структуре факторов неравенства не вызывает сомнения. Однако на уровне домашних хозяйств ситуация выглядит несколько иначе. Факторы неравенства здесь проявляются через характеристики самих домохозяйств – демографические и социально-экономические (иждивенческая нагрузка, уровень образования, статус занятости и пр.), а также через особенности внешней экономической среды в месте проживания (регион, тип поселения). Анализируя влияние данных характеристик на дифференциацию благосостояния, можно выявить основные микроэкономические контуры неравенства. Удобным инструментом для анализа детерминант неравенства на уровне домохозяйств являются индексы неравенства, принадлежащие к классу энтропийных мер неравенства (или меры Тейла). Они обладают свойством декомпозиции, которая заключается в следующем: если выборочную совокупность поделить на подвыборки на основе какого-либо признака (например, размера семьи), то общий показатель неравенства должен быть равен сумме показателей, отражающих неравенство внутри каждой подвыборки, плюс еще одна компонента, выражающая неравенство между выделенными подвыборками: $I_{total} = I_{within} + I_{between}$.

Межгрупповая компонента неравенства интерпретируется как доля общего неравенства, объясненная данным признаком, внутригрупповая компонента – как доля общего неравенства, которая не объясняется данным признаком. Проведение декомпозиционного анализа неравенства не включено в российские традиции официальных оценок уровня жизни. Вместе с тем именно этот инструмент позволяет идентифицировать значимые факторы неравенства и бедности на семейном уровне. Расчет данных показателей возможен только на основе первичных данных обследования домохозяйств, каковым является РМЭЗ. В данном случае, как уже отмечалось, использовались оценки расходов, а не доходов, которые являются более надежной характеристикой текущего потребления. При оценке неравенства также был использован методологический прием по приведению к сопоставимому виду душевых доходов семей разного размера, позволяющий учесть эффекты общесемейного потребления товаров длительного пользования, стоимость которых в душевом исчислении уменьшается с ростом числа членов семьи. В данном случае мы использовали Оксфордскую шкалу приведения доходов к сопоставимому виду с коэффициентом эластичности 0,72. В российской статистической практике процедуры эквивалирования доходов не применяются, хотя их внедрение существенно снижает уровень и изменяет профиль бедности. Например, если не использовать процедуры приведения доходов к сопоставимому виду, уровень бедности, по данным РМЭЗ, в 2007 г. составит 25,9 %, после применения эквивалентной шкалы – 16,1 %. Применение эквивалентных шкал несколько сжимает неравенство (табл. 1.16), но эффект влияния не так велик, как в случае оценки бедности.

Таблица 1.16

Оценка дифференциации расходов, разы

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Коэффициент дифференциации фондов для расходов, приведенных к сопоставимому виду на основе Оксфордской шкалы эквивалентных доходов	23,8	19,0	19,4	19,8	20,4	17,3	22,6	17,9
Коэффициент дифференциации фондов без применения эквивалентной шкалы	24,9	19,4	19,2	20,6	21,7	17,3	22,6	17,9

Источник: Рассчитано по данным РМЭЗ.

В ходе работы с данными были созданы переменные, характеризующие демографический тип и социально-экономический потенциал семьи, распределение значений которых представлено в табл. 1.17 и позволяют сформулировать некоторые содержательные и методологические выводы. Во-первых, демографические характеристики достаточно устойчивы и указывают на сокращение числа домохозяйств с высокой детской нагрузкой, что соответствует объективным тенденциям и подтверждает репрезентативность и надежность выборки. Во-вторых, бурное развитие системы высшего образования повлекло за собой увеличение числа домохозяйств, где все взрослые имеют высшее образование. В-третьих, экономический рост способствовал повышению экономической активности семей, что подтверждается характеристиками типа и статуса занятости обследованных семей: возросла доля семей, где все взрослые и все трудоспособные заняты, и сокращается доля семей, где нет работающих.

Таблица 1.17

Распределение расчетных социально-демографических характеристик домохозяйств, построенных для анализа декомпозиции неравенства в 2000–2007 гг., %

Значения переменной	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
<i>Размер семьи</i>								
1	17,9	18,5	18,7	19,3	18,9	19,3	19,5	19,5
2	28,3	28,6	29,0	28,1	27,7	28,4	28,2	27,7
3	25,4	25,3	25,7	26,4	26,8	26,0	26,3	26,8
4	18,1	17,7	16,7	16,3	16,5	16,4	16,2	16,0
5 и более	10,3	9,9	9,9	10,0	10,0	9,8	9,8	10,0
<i>Гендерный состав</i>								
Только мужчины	4,3	5,2	5,2	5,2	5,0	4,7	5,0	4,9
Преобладают мужчины	8,3	7,9	7,8	8,4	8,6	8,8	9,2	8,8
Равное число женщин и мужчин	51,1	49,7	49,7	49,1	48,8	48,7	47,9	47,9
Преобладают женщины	12,7	13,4	12,8	12,9	13,4	12,5	13,2	13,8
Только женщины	23,6	23,8	24,4	24,5	24,2	25,2	24,6	24,6
<i>Возрастной состав</i>								
Все в возрасте 18–64 лет	70,2	69,8	68,8	68,7	68,5	68,4	68,5	69,2
Все старше 65 лет	15,2	15,1	15,5	15,9	16,3	16,7	16,6	16,0
Смешанный тип	14,6	15,1	15,7	15,5	15,3	14,9	14,9	14,9
<i>Детская нагрузка (на работающих 18+)</i>								
0	53,4	55,3	55,7	56,4	56,6	57,3	59,4	58,9
0,1–0,5	15,8	15,2	15,7	16,1	16,0	16,1	16,7	17,6
0,6–1	21,7	21,9	20,9	20,1	20,4	20,0	18,0	17,9
1,1–2	7,4	6,0	6,2	6,0	5,5	5,2	4,7	4,6
2,1 и выше	1,7	1,6	1,6	1,4	1,6	1,5	1,2	1,1

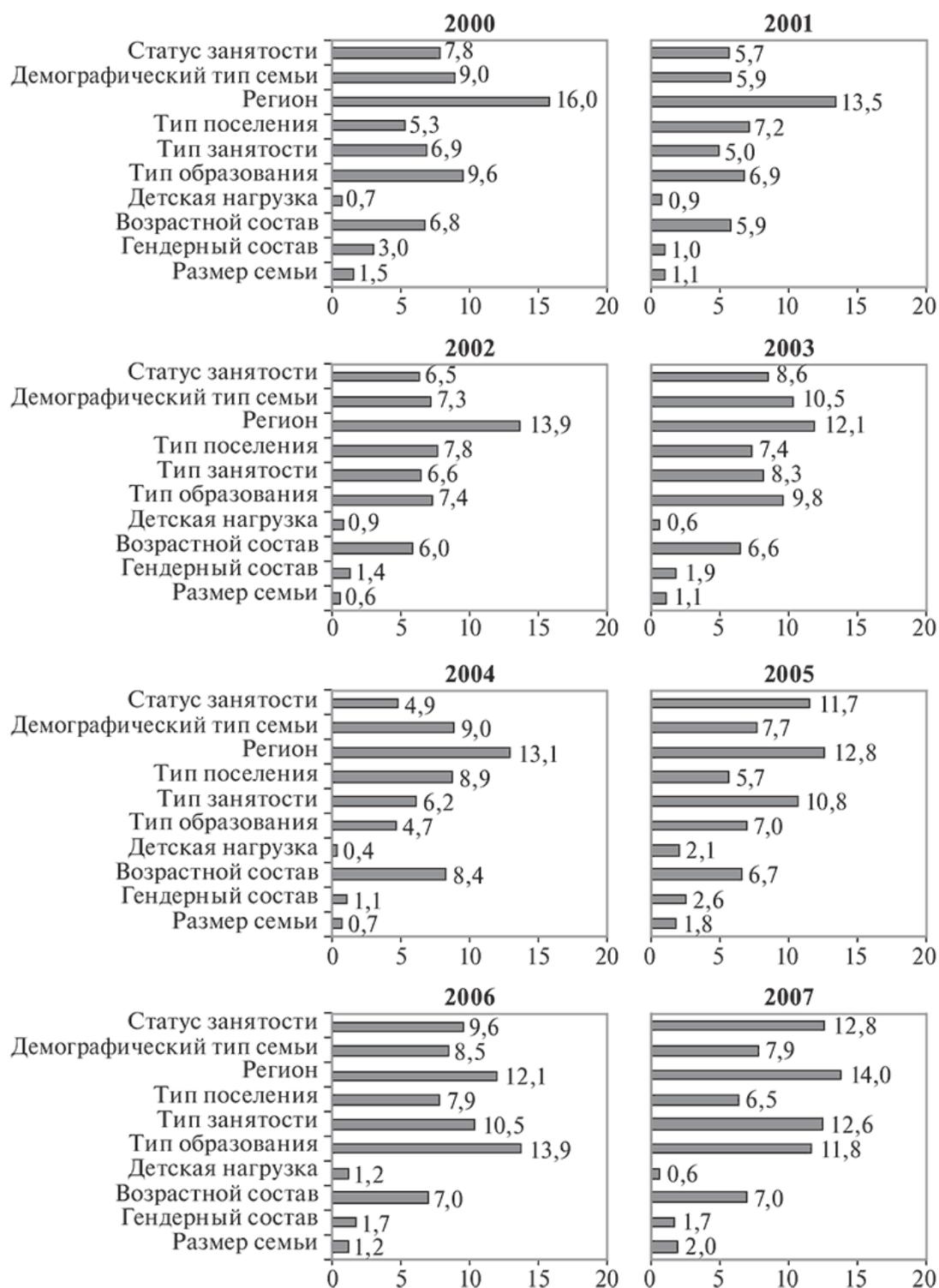
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Тип образования</i>								
У всех высшее образование	10,0	10,9	11,3	12,0	12,0	12,2	13,3	13,7
Ни у кого нет высшего образования	71,5	69,2	68,6	67,1	66,1	65,4	62,9	62,8
Смешанный	18,5	19,9	20,1	20,9	21,9	22,4	23,7	23,5
<i>Тип занятости</i>								
Все работают	31,2	31,4	32,7	33,6	33,5	33,6	34,5	36,3
Нет работающих	31,7	31,4	31,2	30,4	29,4	29,3	28,0	27,3
Смешанный	37,1	37,2	36,0	36,0	37,1	37,1	37,4	36,3
<i>Тип населенного пункта</i>								
Столица	3,5	9,3	10,0	8,6	8,3	7,7	9,0	8,7
Город	69,6	65,9	65,4	66,6	67,2	67,1	66,5	66,2
Село	26,9	24,8	24,7	24,8	24,5	25,3	24,5	25,1
<i>Демографический тип семьи</i>								
Одиночки-пенсионеры	13,0	13,2	13,4	13,6	13,3	13,7	13,5	13,6
Одиночки-непенсионеры	4,8	5,3	5,3	5,7	5,6	5,6	6,0	5,9
Супружеская пара пенсионеров	9,2	8,9	8,7	7,8	7,6	7,2	7,3	7,1
Супруги-пенсионеры с другими родственниками	0,7	0,7	0,9	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5
Супружеская пара непенсионеров	7,5	7,3	7,4	7,7	7,3	7,7	7,9	7,4
Супруги-непенсионеры с другими родственниками	6,6	7,4	7,2	7,7	8,4	8,2	8,9	8,9
Супружеская пара с 1 ребенком	14,2	13,6	14,2	14,4	14,2	14,2	13,4	13,9
Супруги с 1 ребенком и другими родственниками	7,8	7,9	8,0	7,5	7,7	7,1	7,3	7,2
Супружеская пара с 2 детьми	7,8	7,4	6,6	6,4	6,7	6,8	5,9	6,1
Супруги с 2 детьми и другими родственниками	3,2	2,8	2,5	2,5	2,4	1,9	2,0	2,0
Супружеская пара с 3 и более детьми	1,5	1,1	1,3	1,3	1,1	1,2	0,9	0,7
Супруги с 3+ детьми и другими родственниками	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	0,5	0,7
Одинокий родитель с детьми	5,0	4,8	5,3	4,8	4,8	4,8	4,1	4,1
Одинокий родитель с детьми и другими родственниками	3,8	3,7	3,4	3,7	3,6	3,7	4,0	3,9

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Супружеская пара (пенсионер + непенсионер)	1,7	1,5	1,6	1,7	2,0	2,0	2,1	2,2
Супруг (хотя бы один пенсионер) со взрослыми детьми (18+)	4,7	4,9	4,4	4,7	4,5	5,0	5,3	5,4
Одинокий родитель со взрослыми детьми (18+)	4,9	5,6	6,0	6,0	6,5	6,7	7,3	7,5
Другое	2,6	3,0	3,0	3,0	2,7	2,8	3,0	2,8
<i>Статус занятости</i>								
Все пенсионеры	21,2	21,0	20,6	20,3	19,2	18,9	18,5	18,4
Все трудоспособные работают	35,4	36,0	36,0	26,2	36,8	36,4	37,5	38,5
Есть трудоспособные, которые не работают, не учатся и не на пенсии	20,4	19,4	19,7	15,7	20,0	21,1	18,6	17,6
Есть трудоспособные, которые не работают, но учатся или на пенсии	17,4	17,5	17,3	27,4	17,2	16,4	17,6	17,5
Число занятых больше числа трудоспособных	5,7	6,1	6,4	10,3	6,8	7,2	7,8	8,0

Источник: Рассчитано по данным РМЭЗ.

Оценки вклада различных социально-демографических факторов в объяснение неравенства через величину компоненты среднего логарифмического отклонения представлены на рис. 1.11.

На протяжении 8 лет доминирующим фактором неравенства являлся регион проживания. Хотя в данном случае межгрупповые различия в доходах демонстрируют тенденцию сглаживания, она не носит монотонный характер; как только повышается спрос на продукцию добывающих отраслей, с некоторым временным лагом это увеличивает межрегиональную дифференциацию доходов. Тип поселения также является важным дифференцирующим фактором, значимость которого увеличивалась на этапе экономического роста. В совокупности два этих результата свидетельствуют о том, что важной частью политики снижения неравенства должны стать меры, нацеленные на сокращение межрегиональных различий в уровне жизни, расширяющие возможности для самообеспечения населения через механизмы развития территорий.

Источник: Построено по данным РМЭЗ.

Рис. 1.11. Вклад социально-демографических факторов в объяснение неравенства в России в 2000–2007 гг. (величина межгрупповой компоненты среднего логарифмического отклонения), %

К 2007 г. лидирующими по значимости факторами стали тип и статус занятости, отражающие связь домохозяйства с рынком труда. Их значение увеличилось практически в 2 раза по сравнению с началом периода экономического роста. Этот результат указывает на увели-

чение разрывов в доходной обеспеченности семей, зависящих преимущественно от рынка труда и социальных трансфертов. Позитивно то, что за годы экономического роста не только возросла значимость индивидуальной экономической активности, но и увеличилось число домохозяйств, где все трудоспособные заняты. Хотя тот факт, что на пике экономического роста мы имели 17,6 % домохозяйств, где есть граждане в трудоспособном возрасте, которые не работают и не учатся, указывает на наличие в стране большого потенциала для развития адресных программ поддержки бедных, основанных на принципах социального контракта, сочетающих выплату пособий со стимулированием экономической активности.

Безусловно, позитивным результатом развития стал факт увеличивающегося вклада в объяснение неравенства высокого уровня профессионального образования, который еще раз подчеркивает важность инвестиций в образование в общих стратегиях социально-экономического развития. Несмотря на серьезные претензии к качеству образования, данный результат показывает его высокий вклад в достижение высоких уровней материальной обеспеченности.

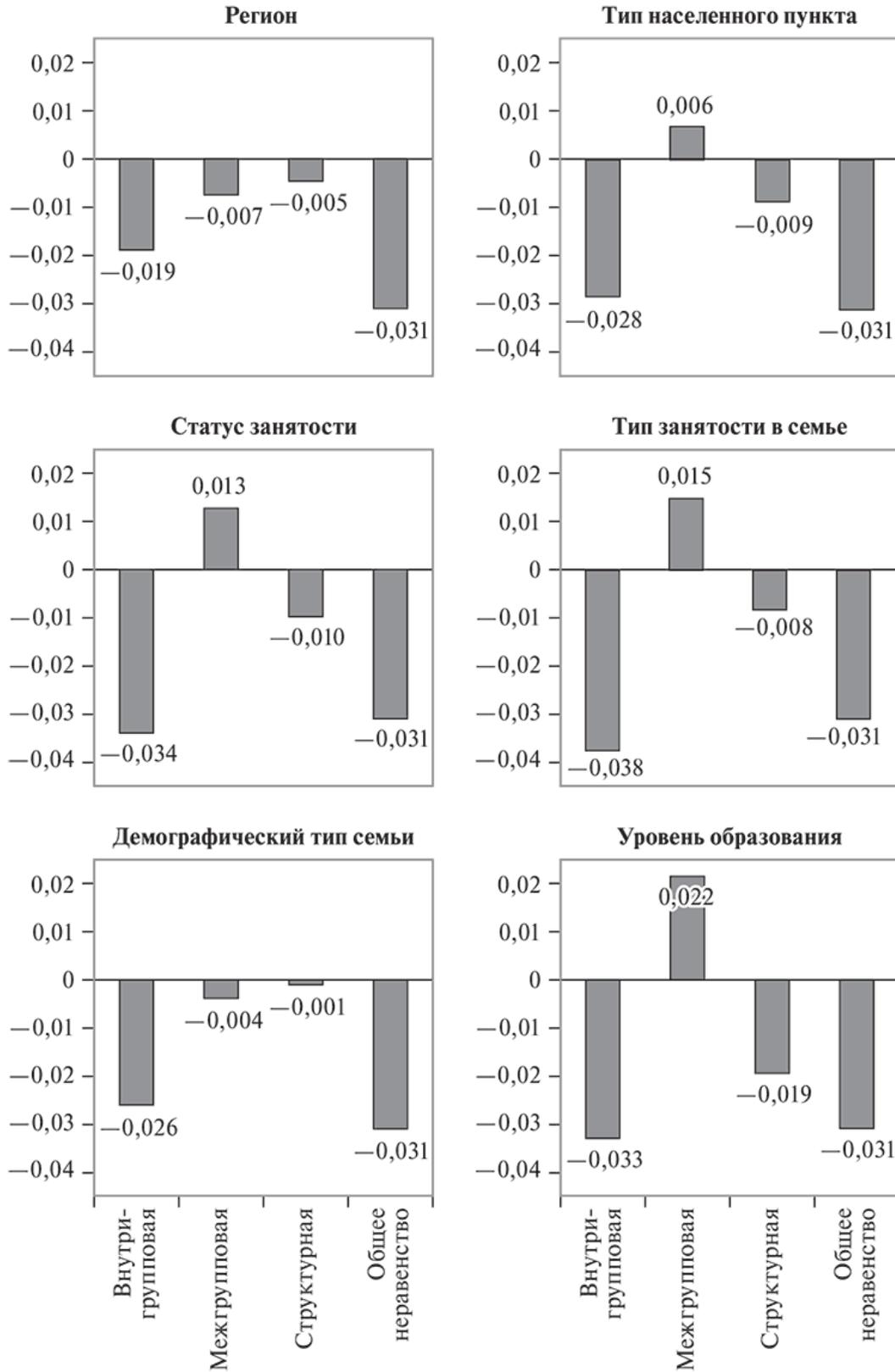
Примененная процедура эквивалирования доходов существенно сократила эффекты различия в уровне жизни семей разного размера, но несмотря на это демографический состав семьи продолжает оставаться важным дифференцирующим фактором, и не детская нагрузка здесь является основной. Дополнительно этот вывод подтверждается результатами декомпозиции неравенства по переменной «возраст», типологизация которой привязана к жизненным циклам семьи (см. табл. 1.17). Речь идет о неравномерности социальной поддержки семей на разных этапах жизненного цикла: семьи с детьми в возрасте до полутора лет получают значимую помощь от государства, а семьи с двумя детьми в возрасте 4 и 7 лет практически ее не имеют. Высокая значимость демографических факторов указывает и на провалы в пенсионном обеспечении, проявившиеся в том, что на пике экономического роста средняя зарплата существенно оторвалась от средней пенсии, и сейчас, на этапе кризиса, вынужденно осуществляется такая экзотическая мера антикризисной поддержки, как повышение пенсий. В текущей ситуации такой шаг, может быть, и оправдан, ускоренный рост пенсий позволяет удержать потребительский рынок и не приведет к росту инфляции, так как снижаются потребительские возможности других групп населения. С учетом кризисных тенденций в изменении занятости, уровня оплаты труда, пенсий и основных пособий следует ожидать снижения дифференцирующей силы социально-демографического состава.

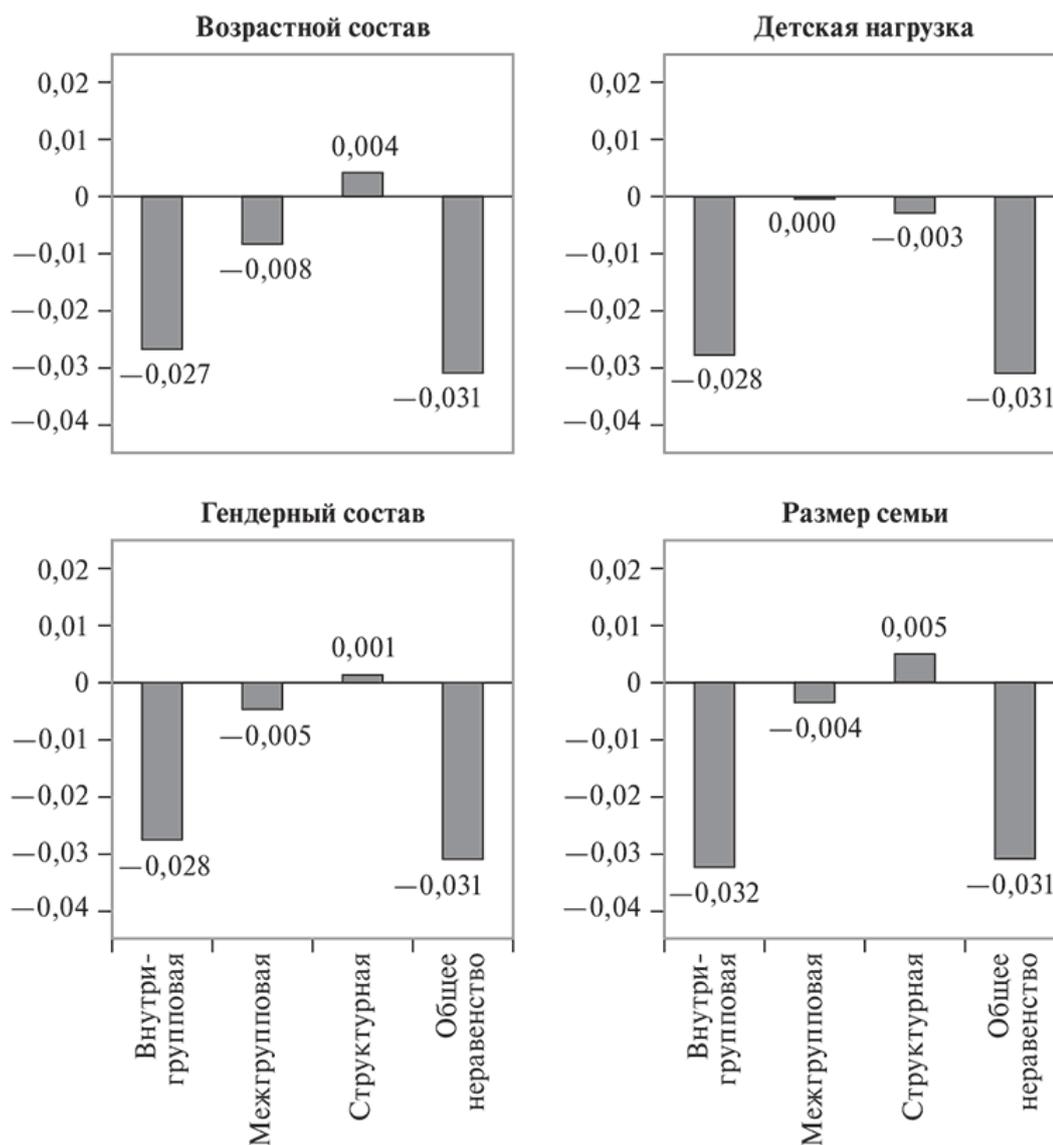
Проведенный анализ позволил определить относительную степень значимости различных факторов на уровне домохозяйств для объяснения общего неравенства в распределении экономического благосостояния в 2000–2007 гг. Однако статическая декомпозиция не объясняет, какие факторы влияют на рост или снижение масштабов неравенства. Динамическая декомпозиция неравенства на внутри-, межгрупповую и структурную компоненты позволяет оценить, какие из этих процессов повлияли на снижение неравенства в России в период 2000–2007 гг., зафиксированное данными РМЭЗ (рис. 1.12). Структурная компонента учитывает изменения удельного веса выделенных групп в пределах одной типологии.

Общее неравенство снизилось. Как на это повлияли различные факторы? Результаты декомпозиции за указанный период с использованием демографических характеристик домохозяйств (размер семьи, гендерная, возрастная структура семьи, нагрузка детьми, демографический тип) показывают, что снижение общего неравенства происходило главным образом за счет уменьшения дифференциации в распределении расходов внутри групп домохозяйств. Для фактора «возрастной состав семьи» также значимым было снижение межгрупповой компоненты неравенства, при этом структурные изменения работали на рост неравенства.

Динамическая декомпозиция по типу поселения показала, что снижение общего неравенства происходило главным образом за счет снижения внутригрупповых различий в рас-

пределении расходов домохозяйств, а также за счет структурных изменений: за 8 лет увеличилась доля столичных жителей.

Источник: Построено по данным РМЭЗ.

Рис. 1.12. Декомпозиция динамики общего неравенства в 2000–2007 гг.

Изменения структурной компоненты также оказали значимое влияние на снижение уровня общего неравенства для таких характеристик, как образование, тип и статус занятости домохозяйств. Увеличилась доля семей, где все взрослые или хотя бы один взрослый имеет высшее образование. Сократилась доля семей, в которых ни у кого из взрослых нет высшего образования. Увеличилось число домохозяйств, где все взрослые заняты либо число занятых больше числа трудоспособных. Одновременно с этим произошло сокращение доли семей, в которых нет работающих взрослых, либо все члены являются пенсионерами, либо есть члены, которые не работают и при этом не учатся, не находятся в оплачиваемом отпуске, не получают пенсию.

В течение периода экономического подъема произошел рост межгруппового неравенства по факторам «тип образования», «тип занятости» и «статус занятости». Тем не менее снижение внутригрупповой дифференциации по этим характеристикам было сильнее, что в значительной степени определило падение уровня общего неравенства.

Согласно исследованию динамической декомпозиции неравенства по региональному фактору, снижение общего уровня дифференциации происходило за счет всех компонент – внутригрупповой, межгрупповой, структурной.

- Анализ характеристик уровня и структуры неравенства в современной России приводит к следующим заключениям. Россия относится к странам с высоким уровнем дифференциации доходов и оплаты труда. Кризис и мероприятия по повышению минимальной заработной платы оказали позитивное влияние на снижение дифференциации оплаты труда, что проявилось в уменьшении межгруппового и внутригруппового неравенства по видам экономической деятельности. Эффект от роста минимальной заработной платы достаточно велик, поэтому в 2010 г., не предполагающем удвоение минимальной заработной платы, следует ожидать роста неравенства.

- Меры, реализуемые государством на этапе экономического роста в сфере регулирования доходов, не позволяли добиться снижения неравенства. Обусловлено это гипертрофированно большим мандатом государства по обеспечению доходов и ориентацией преимущественно на перераспределительные меры, а не на механизмы развития.

- Результаты динамической композиции показали, что снижение общего уровня неравенства по всем анализируемым характеристикам домохозяйств происходило главным образом за счет уменьшения различий в распределении доходов внутри групп домохозяйств. Значительное влияние на падение уровня общей дифференциации оказало ослабление межрегиональной дифференциации, что является позитивной тенденцией. Изменения в структуре домохозяйств, связанные с образовательным уровнем и занятостью членов семей, также повлекли за собой сокращение общего уровня неравенства. Однако за период экономического подъема по данным характеристикам усилилась межгрупповая дифференциация доходов.

Российская практика измерения дифференциации и доходов имеет серьезные недостатки, существенно ограничивающие прогностические и мониторинговые возможности экономического анализа. Методология расчета коэффициента дифференциации фондов такова, что он не чувствителен к межрегиональной дифференциации, которая, по результатам декомпозиционного анализа, вносит существенный вклад в общее неравенство. Наблюдения за заработной платой ведутся только в разрезе крупных и средних предприятий, информация об оплате труда практически половины занятых не принимается во внимание при макроэкономических оценках дифференциации оплаты труда. Оценки душевых доходов не приведены к сопоставимому виду для семей разного размера и состава, что объясняет завышение показателей бедности и неравенства.

1.3. Влияние текущего экономического кризиса на доходы населения

1.3.1. Эффекты влияния предыдущих кризисов на динамику доходов

Начнем с оценок динамики доходов в условиях более ранних кризисов в российской экономике, в частности августовского кризиса 1998 г. Конечно, есть масса аргументов, говорящих о неправомерности такого сравнения. Самый главный из них сводится к тому, что кризис 1998 г. завершал длительный период спада российской экономики, который на финальном этапе совпал с мировым финансовым кризисом, обусловленным закономерностями подъема развивающихся стран преимущественно Азиатского региона. Далее последовал этап быстрого восстановления и экономического роста. В 2008–2009 гг., напротив, мы имеем дело только с началом более масштабного мирового экономического, структурного и финансового кризиса, глубина которого пока окончательно не ясна. Обращение к прошлому кризису обусловлено только одним мотивом – оценить пределы падения доходов, так как в 1998 г. метод одномоментной девальвации рубля жестко привел экономику к балансу внутреннего и внешнего спроса и предложения.

Таблица 1.18

Падение (рост) реальных доходов, заработной платы, пенсий и уровня бедности в период кризиса 1998 г. и на выходе из него, Россия в целом, % уровня предыдущего года (декабрьские данные)

Год	Доходы	Заработная плата без учета скрытой	Заработная плата с учетом скрытой	Пенсии	Бедность
1998	–28,0	–34,0	–36,0	–40,0	+8,0
1999	+10,0	+12,5	+26,3	–5,4	–3,0

Примечание. «+» – рост; «—» – падение.

Источник: Расчеты на основе данных Росстата.

Августовский кризис 1998 г. больше всего снизил реальный уровень пенсий и скрытой от статистического наблюдения заработной платы, и такое падение можно характеризовать как шоковое (табл. 1.18). Пенсия продолжала снижаться и в 1999 г., в то время как в условиях текущего кризиса она растет. Динамика изменения пенсий в 2007–2009 гг. будет подробно рассмотрена ниже, но в контексте сравнения с предыдущим кризисом следует отметить, что наблюдаемое повышение пенсий в условиях масштабного дефицита пенсионного фонда существенно ограничивает развитие других социальных антикризисных программ. В 1998 г. официальная заработная плата сократилась на треть, доходы упали на 28 %, и как результат бедность увеличилась до 31 %. Если сравнивать эффекты влияния на доходы текущего и предыдущего кризисов, то нынешний кризис пока практически не повлиял на доходы населения. Однако если будут использованы механизмы жесткой девальвации, можем получить сопоставимое с прошлым кризисом падение доходов. В первый год после кризиса 1998 г. за счет импортозамещения быстрее всего восстанавливалась скрытая от наблюдения заработная плата, что способствовало быстрому восстановлению малого и среднего бизнеса, и

только начиная с 2000 г. пошел процесс общего ускоренного роста. В контексте текущего кризиса важно подчеркнуть, что аналогичного потенциала импортозамещения сейчас нет, как нет и каких-либо других новых «окон» для развития малого и среднего бизнеса, поэтому нет и очевидных экономических перспектив для данного сектора.

1.3.2. Доходы населения

Сфокусируем свое внимание на периоде начиная с середины 2008 г., но динамику показателей будем приводить с января 2007 г., что обусловлено мотивом сопоставления докризисных и кризисных периодов и учета сезонности. Для начала обратимся к анализу изменения доходов, заработной платы и пенсии, динамика которых обнаруживает следующие закономерности (рис. 1.13): 1) до кризиса зарплата росла быстрее доходов и пенсий; 2) в конце 2008 г. наблюдался спад всех трех показателей, но порядок лидерства по падению складывался следующий: доходы, зарплата, пенсия, причем доходы начинают сокращаться (уровень доходов ниже 100 % от соответствующего месяца предыдущего года); 3) начиная с февраля 2009 г. доходы выходят на отметку чуть выше 100 %, а зарплата сокращается, пенсии продолжают расти, и достаточно высокими темпами. В результате реальные доходы в марте 2010 г. составили 107 % уровня марта предкризисного 2007 г., реальная наблюдаемая заработная плата – соответственно 116,6 %, а реальная пенсия – 150,9 %. Важно подчеркнуть, что рост реальной наблюдаемой заработной платы и пенсии опережал рост доходов, следовательно, предпринимательский доход, доход от собственности и скрытая от наблюдения заработная плата демонстрировали тенденцию падения, но мы не можем увидеть реальные тренды их динамики из-за отсутствия статистических данных.

Источник: Составлено на основе данных статистического сборника «Краткосрочные экономические показатели». Сентябрь 2009 г.

Рис. 1.13. Динамика денежных доходов, начисленной заработной платы и пенсий в реальном выражении, % к соответствующему месяцу предыдущего года

С точки зрения анализа доходов населения, особенно оплаты труда, интерес представляет декабрь, когда выплачиваются премии, бонусы и предпринимательский доход по итогам года. Декабрьские данные показывают следующую картину: в 2008 г. наблюдаем обвал

реальных доходов до уровня 89,7 % от декабря 2007 г., а затем рост к декабрю 2009 г. до 111,3 % уровня декабря 2008 г. В результате декабрьские реальные доходы 2009 г. составили 101,4 % от пика экономического роста в декабре 2007 г. Декабрьская реальная зарплата не демонстрировала стремительного падения в 2008 г., а по итогам 2009-го поднялась до 103,6 % уровня 2007 г. Пенсия росла более высокими темпами (112,8 % уровня декабря 2007 г.), но если ее сравнивать с мартовской пенсией 2010 г., то очевидно, что валоризация, реализованная в январе 2010 г., внесла самый значимый вклад в рост пенсий.

Красноречиво о последствиях кризиса рассказывает динамика структуры доходов населения (табл. 1.19). Первое, на что следует обратить внимание – это тот факт, что в I кв. 2010 г. социальные трансферты достигли уровня 17,1 % доходов населения, а накануне кризиса они составляли только 12,4 %. Ситуация, когда на фоне падения ВВП доходы населения даже несколько растут, и преимущественно за счет роста социальных трансфертов, очень нестандартна в условиях кризиса и экономической стагнации. Подчеркнем еще раз, что она откладывает риски кризиса на более поздний период и создает дополнительные бюджетные риски, преодоление которых возможно только за счет роста инфляции. Второе – это сокращение предпринимательских доходов, что указывает на «сжатие» малого бизнеса. И третье – снижение доходов от собственности, которые больше всего сократились – с 6,6 % в конце 2008 до 3,8 % за I кв. 2009 г. Основой доходов населения продолжает оставаться оплата труда, доля которой в 2009 г. по сравнению с 2008-м даже выросла.

Таблица 1.19

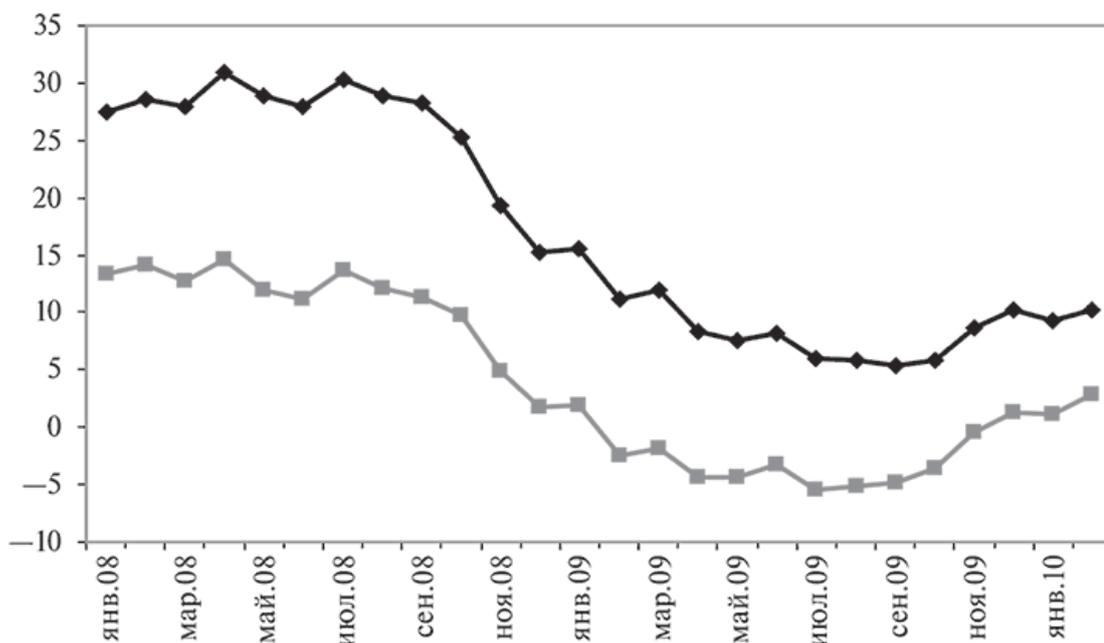
Структура денежных доходов населения, %

Год	Квартал	Всего денежных доходов	В том числе:				
			доходы от предпринимательской деятельности	оплата труда, включая скрытую заработную плату	социальные выплаты	доходы от собственности	другие доходы
2008	I	100,0	10,2	68,4	13,3	6,1	2,0
	II	100,0	9,6	68,4	12,7	7,4	1,9
	III	100,0	10,2	69,0	12,4	6,4	2,0
	IV	100,0	9,9	68,5	13,0	6,6	2,0
	Год	100,0	10,3	68,3	13,2	6,2	2,0
2009	I	100,0	10,2	69,4	14,7	3,8	1,9
	II	100,0	9,0	69,8	14,5	4,6	2,1
	III	100,0	9,8	68,4	15,2	4,6	2,0
	IV	100,0	9,0	70,9	14,5	4,2	2,0
	Год	100,0	9,6	69,6	14,5	4,3	2,0
2010	I	100,0	9,7	68,0	17,1	3,3	1,9

Источник: Данные Росстата.

1.3.3. Оплата труда

Для того чтобы абстрагироваться от эффектов инфляции, обратимся к показателям реальной заработной платы, которая в декабре 2009 г. составила 103,6 % уровня декабря докризисного 2007 г., следовательно, на фоне падения ВВП в России удалось сохранить уровень оплаты труда, что противоречит тенденциям предыдущих кризисов, когда темпы падения заработной платы опережали темпы падения экономики. Как и доходы, заработная плата достаточно быстро отреагировала на сигналы кризиса: под влиянием макроэкономического шока снижение темпов роста заработной платы началось с июля 2008 г. (рис. 1.14). Далее продолжилась тенденция снижения темпов роста, но, в отличие от реальных доходов населения, на протяжении всего 2008 г. данный показатель для зарплаты не опускался ниже 100 %. Она упала ниже предкризисного уровня только в феврале 2009 г., составив 97,6 % уровня реальной оплаты труда в феврале 2007 г. Удержать среднюю зарплату на предкризисном уровне не помог даже двукратный рост минимальной оплаты труда с января 2009 г. Далее тенденция падения заработков продолжалась до сентября 2009 г., а в октябре начался рост. Здесь следует отметить, что в терминах сравнения с соответствующим периодом предыдущего года с октября 2009 г. мы вышли на сравнение уже двух кризисных периодов, т. е. это рост относительно кризисного октября 2008 г. Однако тенденция роста продолжилась, и, как уже отмечалось, к концу 2009 г. удалось добиться роста оплаты труда в сравнении с докризисными периодами.

Источник: Данные официальной статистики.

Рис. 1.14. Динамика среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы, % к соответствующему периоду предыдущего года

Таблица 1.20

Среднемесячная начисленная заработная плата по отраслям, руб.

	Июль 2008	Февраль 2009	Июль 2009	Февраль 2010
<i>Всего</i>	17 758	17 098	18 872	19 017
Сельское и лесное хозяйство	8 902	7 832	10 115	8 835
Рыболовство	16 830	18 456	20 660	19 184
Добыча полезных ископаемых	34 219	32 821	35 665	36 685
Обрабатывающие производства	16 905	15 235	17 271	16 839
Электроэнергия, газ и вода	19 753	19 421	21 760	21 895
Строительство	19 540	16 136	18 819	18 578
Торговля	15 471	15 056	15 991	18 084
Гостиницы и рестораны	11 898	11 807	12 697	13 193
Транспорт и связь	21 429	21 540	23 145	24 229
Финансовая деятельность	41 162	36 874	41 146	44 142
Операции с недвижимостью	21 907	21 024	23 747	22 538
Государственное управление	21 807	21 763	22 866	22 748
Образование	10 823	12 287	12 774	12 967
Здравоохранение	13 137	13 442	15 012	14 339
Прочие услуги	13 460	14 989	15 363	15 150

Источник: Данные официальной статистики.

Значения среднемесячной начисленной заработной платы в различных отраслях представлены в табл. 1.20. Как и в кризисный период начала и конца 1990-х гг.²⁴, в кризис 2008 г. заработная плата в бюджетных²⁵ и небюджетных секторах отреагировала по-разному. Однако отличие заключается, по-видимому, в том, что в 1990-х гг. кризис сильнее ударил по зарплате бюджетников и это стало очевидно сразу, а кризис 2008 г. пока имеет более глубокие последствия в небюджетном секторе. Так, если до начала кризиса.

Таблица 1.21

Реальная заработная плата по отраслям, % к соответствующему периоду предыдущего года

²⁴ Более подробно о влиянии кризиса 1990-х гг. на заработную плату см.: Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. М.: ГУ – ВШЭ, 2007.

²⁵ В данном случае к бюджетному сектору преимущественно относятся отрасли государственного управления, образования и здравоохранения. Учреждения в этих отраслях бывают, как правило, государственными и работают за счет средств федерального и региональных бюджетов. начисленная заработная плата в отраслях здравоохранения и образования составляла 78 и 64 % заработной платы в отрасли промышленности (как правило, именно эти отрасли сравниваются), то в разгар кризиса такой разрыв сократился приблизительно на 10 %, в основном за счет снижения последней.

	Июль 2008	Февраль 2009	Июль 2009	Февраль 2010
Всего	113,6	97,5	94,6	102,5
Сельское и лесное хозяйство	120,9	102,5	98,8	103,2
Рыболовство	112,1	115,7	109,8	99,5
Добыча полезных ископаемых	101,0	93,7	92,4	103,3
Обрабатывающие производства	111,5	91,2	89,5	104,3
Электроэнергия, газ и вода	109,9	99,2	97,9	105,3
Строительство	114,0	88,8	84,6	101,0
Торговля	114,8	99,6	95,1	101,8
Гостиницы и рестораны	112,0	100,4	94,9	101,6
Транспорт и связь	112,0	96,9	96,9	105,1
Финансовая деятельность	107,5	77,6	88,8	111,1
Операции с недвижимостью	114,1	99,7	96,4	103,2
Государственное управление	118,2	104,3	93,8	97,9
Образование	116,0	106,8	105,7	97,9
Здравоохранение	115,4	104,9	102,3	99,8
Прочие услуги	113,3	106,1	99,2	98,3

Источник: Рассчитано авторами на основе данных официальной статистики.

Это подтверждается и динамикой реальной заработной платы: когда во всей экономике и в небюджетных отраслях она падала, в бюджетном секторе продолжала расти (табл. 1.21). В результате строительство, промышленность и финансовую сферу можно сейчас отнести к отраслям, наиболее пострадавшим от кризиса²⁶. Однако стоит принимать во внимание то, что в начале 2010 г., когда в небюджетном секторе реальная заработная плата стала восстанавливаться, в бюджетном мы отмечаем спад. Дело в том, что, учитывая экономическую ситуацию и ситуацию с бюджетной обеспеченностью, Министерство финансов РФ объявляло о том, что в 2010 г. заработная плата бюджетников индексироваться не будет, в связи с чем действительно стоит ожидать ее сокращения в реальном выражении. Таким образом, механизм реагирования заработной платы на кризис в бюджетных отраслях медленнее и происходит с некоторым лагом, в отличие от небюджетного сектора, где наблюдавшийся в 2009 г. спад, по-видимому, начинает преодолеваться.

²⁶ См. также: Мониторинг состояния рынка труда за разные месяцы 2009 г., подготовленный Всемирным банком и Федеральной службой по труду и занятости.

Источник: Данные официальной статистики.

Рис. 1.15. Динамика просроченной задолженности по заработной плате

Наряду с изменением заработной платы увеличение задолженности по ней является еще одним механизмом адаптации рынка труда к кризисным условиям по компоненте стоимости труда. Всплеск задолженности по заработной плате пришелся на начало 2009 г. (рис. 1.15). С середины 2009 г. она начала снижаться, но по-прежнему находилась на уровне выше 2008 г. Ситуация стабилизировалась и вернулась к предкризисным показателям начиная с 2010 г. Динамика численности работников, перед которыми имелась задолженность по заработной плате, изменялась аналогичным образом. Несмотря на наблюдавшийся всплеск, задолженность по заработной плате не получила такого широкого распространения, как в кризис 1990-х гг.²⁷

Таблица 1.22

Просроченная задолженность по заработной плате по отраслям, млн руб.

²⁷ См., напр.: Мониторинг по проекту «Анализ ситуации рынка ипотечного кредитования в нынешних экономических условиях применительно к государственной программе реструктуризации ипотечных жилищных кредитов», 3-й этап, НИСП.

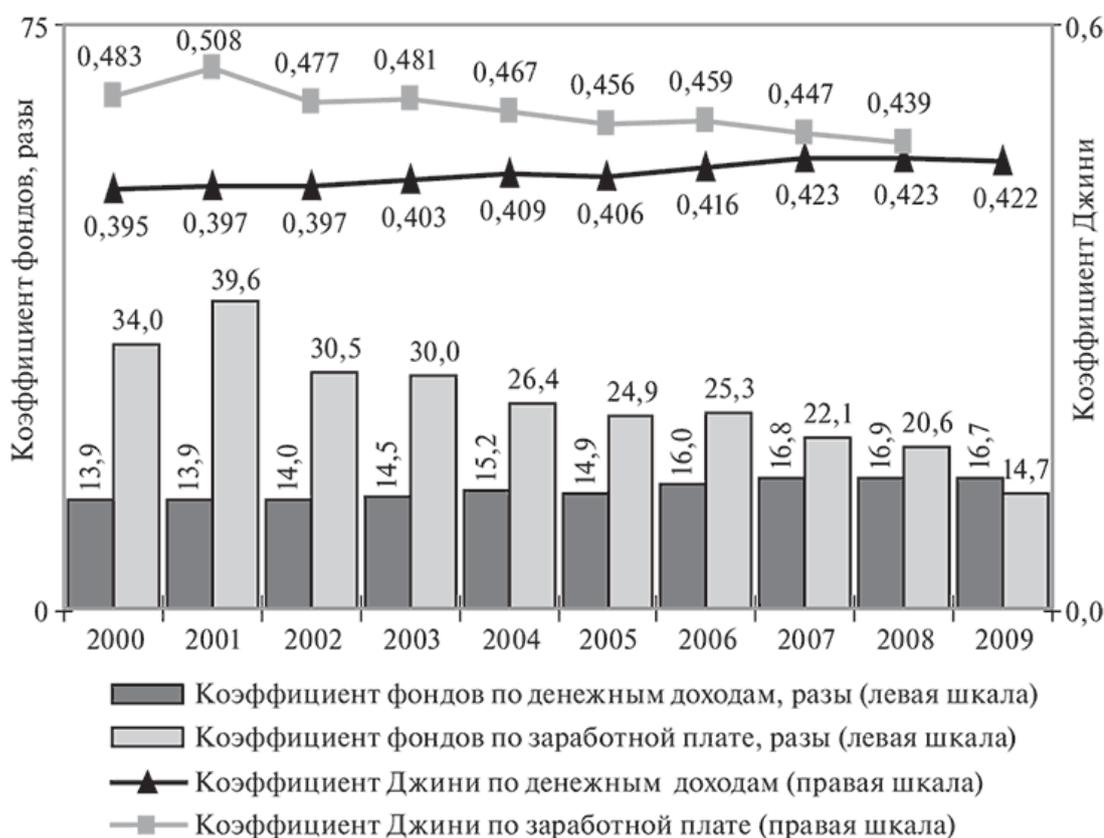
	Всего			Из-за отсутствия собственных средств		
	фев. 08	фев. 09	фев. 10	фев. 08	фев. 09	фев. 10
Всего	2942	8087	4118	2716	7551	3835
Сельское и лесное хозяйство	466	642	372	457	635	370
Рыболовство	44	6	11	35	5	11
Добыча полезных ископаемых	222	358	116	222	358	116
Обрабатывающие производства	874	3776	2088	859	3674	2041
Электроэнергия, газ и вода	459	364	136	452	343	134
Строительство	172	1038	586	150	907	428
Транспорт	381	1268	473	372	1190	440
Операции с недвижимым имуществом	99	89	64	76	70	63
Научные исследования и разработки	91	357	170	42	316	161
Образование	38	67	25	0,2	6	7
Здравоохранение	69	76	26	31	23	17
Удаление сточных вод, отходов	21	25	40	19	22	37
Культура	6	21	11	1	2	10

Источник: Данные официальной статистики.

В отраслевом разрезе наибольшим ростом просроченной задолженности по заработной плате характеризуются отрасли строительства, транспорта, обрабатывающих производств, научных исследований и разработок, деятельности в области культуры. В данных отраслях объем задолженности по заработной плате к началу 2009 г. вырос более чем в 3 раза по сравнению с началом предыдущего года и в начале 2010 г. продолжал оставаться на уровне, значительно выше предкризисного; основную проблему при этом, как правило, составляло отсутствие собственных средств (табл. 1.22).

Российский рынок труда в докризисный период характеризовался высокой дифференциацией заработной платы по отраслям экономики. Что происходило с отраслевой структурой зарплат в последнее время? Самая высокооплачиваемая отрасль – финансовая деятельность – удерживала лидирующие позиции, но превосходство над среднероссийскими показателями сократилось с 2,4 до 2,2 раза с пиком в январе 2009 г. в 2,6 раза. Наиболее низкой являлась заработная плата в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве; за весь 2008 г. она составила 48 % среднероссийской. В декабре 2008 г. заработная плата в сельском хозяйстве упала до 45,3 % средней по экономике, но этот уровень не был критически низким; примерно такой же наблюдался в докризисном июне 2008 г. С течением кризиса сельское хозяйство продолжает оставаться самой низкооплачиваемой отраслью, с февраля по апрель

2009 г. зарплата в сельском хозяйстве снизилась на 1 п.п., отдаляясь от средней по экономике и увеличивая дифференциацию, а в мае поднялась до показателя 2008 г. (48 % среднероссийской). Наиболее заметно «просели» заработные платы в строительстве: до октября 2008 г. средняя заработная плата по отрасли была выше среднероссийской (109–114 %), а в ноябре – январе 2009 г. снизилась до 90 %, впоследствии постепенно поднявшись до 95 %. В обрабатывающих производствах, где в условиях кризиса наблюдается наибольшая распространенность частичной занятости, средняя зарплата с 92–95 % общероссийской сократилась до уровня 88 % в ноябре 2008 г., в декабре того же года обвалилась до 79 %, а начиная с января 2009 г. снова составляет 87–89 %. В то время как реальная заработная плата в целом по экономике снижается, следует отметить отрасли, в которых снижение происходит более медленно и соотношение отраслевой и среднероссийской зарплат даже улучшилось. Это государственное управление, образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг. Вследствие ухудшения ситуации в остальных отраслях данные отрасли демонстрируют более высокую заработную плату начиная с ноября 2008 г., что в целом снижает межотраслевую дифференциацию оплаты труда.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 1.16. Показатели дифференциации доходов и заработной платы

Завершая обзор влияния кризиса на оплату труда, следует отметить, что впервые за всю историю наблюдения за неравенством официальная статистика сообщила о том, что дифференциация заработной платы в 2009 г. ниже дифференциации доходов (рис. 1.16). В принципе, мировой экономической теории и практике не известны такие ситуации, и это говорит о том, что методологические различия в анализе неравенства заработной платы и доходов достигли своего апогея и противоречат здравому смыслу. Важно подчеркнуть, что официальные данные о заработной плате базируются только на наблюдении за заработной

платой на крупных и средних предприятиях, где в феврале 2010 г. работали только 54 % всех занятых. В дополнение к этому ограничению отметим, что выводы о дифференциации заработной платы делаются на основе данных за апрель, когда не выплачивается переменная часть заработной платы. Следовательно, реально при оценке дифференциации статистика не наблюдает как минимум 60 % среднемесячного фонда оплаты труда, и в конечном счете мы получаем данные, противоречащие здравому смыслу. Другими словами, мы пока не можем делать выводы о влиянии кризиса на дифференциацию оплаты труда, поскольку публикуемые данные обнаружили полную непригодность действующего статистического инструментария для анализа неравенства.

1.3.4. Пенсии

Рассмотрим динамику второго по важности, с точки зрения адресной социальной поддержки населения, вида доходов – пенсии, изменения в уровне и динамике которого значительно отличает текущую ситуацию от 1998 г. Отставание среднего размера пенсии от других доходов населения, прежде всего заработной платы, как и практически стабильное соотношение между средним размером пенсии и прожиточным минимумом пенсионера (ПМП), было обусловлено порядком индексации пенсий, установленным в законодательстве. В соответствии с этим порядком базовая часть трудовой пенсии может индексироваться только на величину инфляции, тогда как страховая ее часть – на величину инфляции, а также роста заработной платы, но в пределах роста доходов ПФР на выплату страховой части трудовой пенсии в расчете на одного пенсионера. Величина индексации пенсий (не чаще четырех раз в год) утверждается постановлениями правительства. Любое другое повышение пенсий нарушает принцип сбалансированности доходов и расходов пенсионной системы.

Тем не менее при наличии источников финансирования правительство имеет возможность пересматривать размеры базовой части трудовой пенсии на величину, превышающую темпы инфляции. В этом случае изменяется размер базовой части пенсии по старости, установленный законом о трудовых пенсиях, а также связанные с ним размеры базовых частей пенсии по инвалидности, по потере кормильца и социальных пенсий. Впервые к такому опережающему повышению пенсий прибегли после социальных протестов в связи с монетизацией льгот в начале 2005 г. Затем к испытанному инструменту вернулись перед выборами 2007 г., проведя в дополнение к плановой индексации базовой части пенсии в апреле два более значительных повышения – в октябре и декабре 2007 г. В результате за 2007 г. базовая часть пенсии выросла более чем в 1,5 раза, тогда как страховая часть – на 9,2 %. В 2008 г. правительство пересмотрело размер базовой части трудовой пенсии один раз, в августе, установив его равным 1794 руб., а страховая часть трудовой пенсии индексировалась трижды – в феврале, апреле и августе, в общей сложности на 30 %. Наконец, на 2009 г. было запланировано четыре индексации – две для базовой части пенсии (в марте и декабре) и две – для страховой (в апреле и августе), в результате которых базовая часть трудовой пенсии должна вырасти на 42,8 %, а страховая – на 26,3 %. В результате размер базовой части трудовой пенсии по старости – своего рода минимальная социальная гарантия для основной части пенсионеров – достиг к концу 2009 г. 2562 руб., увеличившись с января 2007 г. почти в 2,5 раза.

Поскольку дифференциация пенсий остается невысокой, отношение базовой части трудовой пенсии по старости к среднему размеру назначенных пенсий варьируется в пределах 36–42 %. Соотношение же базовой части трудовой пенсии по старости с ПМП в марте 2009 г. – последнем месяце, для которого известна величина ПМП, – составляло 48 % (рис. 1.17).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.